

Не твой

Автор:

Виолетта Роман

Не твой

Виолетта Роман

Он никогда не был моим, а я его. Я любила его за доброту, а он оказался жестоким чудовищем, растоптавшим мою жизнь. Он лишил меня мужа, лишил средств к существованию, заставил встать перед ним на колени. Он считает, что сломал меня. Но на самом деле, это сделаю я, ведь нас связывает намного больше, чем взаимная ненависть.

Содержит нецензурную брань.

Виолетта Роман

Не твой

Том первый

Пролог

– Ну че ты, лярва, особое предложение нужно? – я почувствовала тычок в плечо, а потом, двое амбалов Греховского буквально внесли меня в темное подвальное помещение его загородного дома. Страх сковал каждый орган, я не могла даже пошевелиться. Представленная моему взору картина заставляла кровь стечь в

жилах.

Посредине комнаты лежал мужчина, его тело было в позе зародыша. Двое избивали несчастного ногами. После каждого удара от жертвы исходили гулкие звуки, похожие на жалобные стоны.

– Ладно, Кирпич, заканчивай. Хватит с него. У нас тут развлечение получше. Жену хирурга по кругу пустить, да Маринке обряд посвящения провести, – заржал тот, что держал меня справа. Помню, Греховский называл его Сободем. И, словно по команде, в следующую секунду в комнату вошла высокая блондинка с ярко розовыми губами. Скинула с плеча джинсовку, и, оставшись лишь в короткой юбке и топике, уселась на стоящую в углу комнаты софу.

– Кто первый, мальчики? – произнесла с улыбкой, заигрывающе наматывая локон волос на палец. Мне стало не по себе. Прикрыла глаза, боясь расплакаться.

– Пошла вперед, – снова почувствовала тычок в спину и едва не упала, споткнувшись о лежащего на полу. После соприкосновения с моей ногой, он медленно поднялся, и, покачиваясь, вышел из комнаты.

В окровавленном месиве вместо лица я узнала Дениса Качка, новенького в группировке Греховского. По всей видимости, он только что, как и Маринка, прошел обряд посвящения в банду. Горькая улыбка скривила губы. Они то знают, на что идут. Более того, эти сумасшедшие хотят всего происходящего. А вот я что тут делаю?

– Давай, красотка, покажи нам сиськи! – заржал Соболев, вытирая слюнявый рот рукавом куртки. К горлу подкатила тошнота. Неужели – все? Конец? Вот так грязно и мерзко закончится моя жизнь? Неужели, Грех исполнит свое обещание? Почему этот человек так ненавидит меня? Почему не оставит в покое, а продолжает ломать?

– Раздевайся, с*ка, – прорычал бандит, устав ждать от меня послушания. Резко приблизившись, он схватил меня за волосы и стал тянуть за них. Я попыталась выбраться из его хватки, но он отвесил мне хлесткую пощечину. Из глаз покатались слезы, я всхлипнула.

– Хватит брыкаться! – выставил нож. – Писану поперек рожи, будешь красоваться, – ухмыльнулся ублюдок.

Я застыла. Не могла даже вдохнуть, не то, чтобы пошевелиться. Резкое движение его руки, блеск стального лезвия в свете лампы и ткань блузки жалобно затрещала, падая на пол.

– Че ты с ней церемонишься? Давай быстрее. Я после тебя, Кирпич! Пока Маринкой занят. Потом поменяемся, – прорычал второй.

– Думаю, с этой я надолго, – протянул довольный Соболь, разрезая мой лифчик на спине. Я попыталась отстраниться, придерживая руками ниспадающий предмет белья, но уже спустя секунду, мужские руки больно толкнули меня, ударив о стенку. Он приставил нож к моей шее, вдавив всем телом в холодный бетон.

– Строишь из себя целку? – прорычал ублюдок, свободной рукой трогая мои ноги. Хотелось кричать. Плакать. Выть и молить Бога о помощи. Но я стояла неподвижно, продолжая смотреть в полные безумия глаза своего палача.

– Соболь, отпусти девку, – раздалось за спиной. Этот голос был холодным и твердым, таким же, как и лезвие, угрожающее моей жизни. Но глубоко внутри я выдохнула. Все в комнате замерли. Даже Кирпич с Маринкой активно трахающиеся на старой скрипучей кровати перестали делать это. Все как один посмотрели на вошедшего в подвал шефа.

– Грех, какого?! – зашипел Соболь, даже не думая выпускать меня. Я была для него долгожданной добычей. С первого дня этот ублюдок мечтал залезть мне под юбку.

– Я не разрешал ее бить. И трогать не разрешал, – продолжил Грех совершенно ровным голосом. Но те, кто его знал, понимали, что этот его тон предвещает ужасные беды

– И какого х*ра эту с*ку нельзя трогать? А? Из-за нее погиб Серый! Ты сам вручил ее мне и разрешил наказать! – он вдавил мне в горло лезвие, я почувствовала, как по телу потекла струйка крови.

В этот момент я понимала, что все кончено. Прикрыла глаза, напоследок представив образ мужа и сына. Пусть они будут со мной, когда мое сознание начнет меня покидать. Но в следующую секунду в тишине комнаты раздался оглушительный выстрел, и я больше не чувствовала нож. И руки Соболя не ощущала. А когда распахнула глаза, то увидела своего обидчика, лежащим на полу с зияющей дыркой во лбу. Меня затошнило. Прикрыв рукой рот, я тщетно пыталась сдержать рвотные позывы.

- Марина, - обратился Грех к девушке. - Приведи ее ко мне.

Марина стала судорожно одеваться. Кирпич так и сидел неподвижно, глядя пустым взглядом на тело убитого друга.

- Я убью тебя, тварь, - прорычал мужчина, поднимая голову. - Я тебя на части разорву, слышишь?

- Кирпич, остынь, - Марина подошла, накинув мне на плечи жалкие останки моей блузки.

- Пошли, - взяв меня под руку, повела наверх, в спальню Греха. Практически весь путь мы шли молча. Я до сих пор не могла прийти в себя, хотя понимала, спокойствие и контроль - единственное, что меня сможет сейчас спасти. Практически у дверей его спальни Марина вздохнула

- Не повезло тебе. Соболев был грубый, но не жестокий. Грех разорвет тебя. Насколько я слышала, девки от него целыми не уходят.

Он стоял у окна, повернувшись спиной к двери. Глядя сейчас на него, я никогда бы не подумала, что передо мной тот самый Гера Греховский, которого я любила. Исполинского роста зверь, облаченный в образ человека. Двухметровый убийца, чудовище. Каждую секунду, каждое мгновение - дико напряженный, готовый сорваться в бой. Что могло сделать его таким? Как он мог из добродушного паренька, чьи голубые глаза вселяли в мою душу надежду на лучшее, превратиться в это?

Расчетливый, жесткий. У него каждое действие, каждое слово имеет свой тайный смысл. Он знает каждый твой шаг наперед! Гера бросил меня восемь лет назад. Заставил собирать себя по кускам. А теперь вернулся и разрушил мою жизнь снова. И я ненавижу его за это.

Словно почувствовав мои мысли, он обернулся в пол-оборота. Его русые волосы, ниспадающие на лицо, были влажными – мужчина только что из душа. В глазах не было ни одной эмоции, впрочем, как и всегда. От этого, Грех казался мне еще более пугающим.

– Чего встала? Раздевайся, – бросил лениво. Сделав пару шагов навстречу, остановился.

– Ты ведь не думала, что я буду с тобой более нежным, чем Соболь?

Я не думала. Давно уже стараюсь не думать, не анализировать. Потому что запуталась и не вижу выхода из этого жуткого лабиринта. Я продолжала смотреть на него, прижимая к груди остатки одежды.

– Ты убил своего амбала, ради чего? Тебе ведь плевать на меня, я для тебя как грязь, – припомнила его недавние слова.

Я посмотрела на Греха со всем имеющимся в душе презрением. Может, он и самый опасный здесь – решает, кому жить, а кому нет. Но я никогда не склонюсь перед ним и никогда этому человеку не увидеть в моих глазах теплоты.

– Ты стал отморозком, Грех. Лишил меня всего. Думаешь, что еще можешь сделать мне больно?

Я бросила на пол одежду, выпрямилась, и, гордо задрав подбородок, произнесла.

– Делай что хочешь, мне плевать. Теперь плевать.

В его глазах промелькнула боль. Маленькая искорка под тонной темноты злости и гнева. Она просачивалась сквозь броню. Грех пытался ее спрятать за бокалом виски, который сейчас поднес к губам. Но я заметила момент его слабости.

Сейчас он впервые напомнил мне прежнего Греха. В душе зародилась надежда. Совсем крохотный огонек, но я уцепилась за него.

А вот Греховскому это не понравилось. Резко приблизившись, он схватил меня. Сжал мое горло до красных пятен перед глазами. Повернул меня так, чтобы я видела наше отражение в огромном зеркале на стене.

Грех коснулся губами моей шеи, заставив поежиться. Слишком нежно для него и от этого еще страшней. А потом он провел вниз пальцем по шее.

-Ты думаешь, представляешь для меня ценность? Думаешь, я стану слушать твои бредни? – его голос был по- садистски довольным. Он шептал эти слова, продолжая истязать мое тело касаниями своих пальцев. Гера размазывал кровь по бледной коже живота, заставляя меня дрожать от страха.

- Я тот, кто убил твоего муженька. И свекра твоего тоже пришел я. А теперь я сделаю тебя своей. На колени... – прорычал, надавив мне на плечи. Я увернулась от его рук и отбежала в сторону. По щекам неумолимо текли слезы.

-Нет – процедила сквозь зубы, посмотрев на него исподлобья.

- Ты не сделаешь этого! Слышишь?!

Он вытянул пистолет, направив мне в лицо.

- Назови хоть одну причину, чтобы я не убил тебя, – произнес с ленивой хрипотцой в голосе.

В любую секунду он лишит меня жизни также хладнокровно, как сделал это с моим мужем. Но я все еще надеялась, что где-то там, в глубине его черной души, еще жив Гера Греховский. Тот самый парень, поймавший свою Синичку. Тот, кто обещал звезды с небес, и за кем я готова была идти на край света. Я знала, что следующие слова послужат началом новой катастрофы. Но у меня не было другого выхода.

-Потому что Паша – твой сын. И если ты меня убьешь, никогда не сможешь увидеть его.

Глава 1

Есения

Семь лет и девять месяцев ранее событий пролога

– Подруга, я сегодня напьюсь, – произнесла Римка, довольно потягиваясь. Я подумала, что сегодня не грех выпить и мне. Самый сложный экзамен позади, и, несмотря на то, что большая часть сессии впереди, можно выдохнуть.

– Микробиология, м-м-м, я бы ее еще раз сдала. Прямо такой кайф получила! Арсений Игоревич хороший мужик, – хохотнула одногруппница.

Я не видела ее лица, так как сидела с закрытыми глазами, подставив лицо весеннему солнцу, но уверена, Римма сейчас мечтательно улыбается. У нее с первого курса неразделенная любовь к нашему преподавателю, так что для Белозеровой даже экзамены в радость.

– Ты сегодня идешь в клуб?

Вопрос подруги удивил.

– Меня не звал никто. Вы собираетесь?

– Странно, что не звал. Валера собирает всех. Его брат клуб открыл, вот хотим потусить. Считаю, первооткрывателями будем.

Я сегодня и не видела Кобзаря. Половину дня только билеты в голове были.

– Все-таки, счастливая ты, Есенька. Такого ухажера себе заграбастала!

– Какого?

– Ты чего? смеется она. – Да за ним пол института бегают. Сын таких родителей, вскоре станет хирургом. Выйдешь за него, да укажишь за бугор!

- Ты совсем не патриот, - смеюсь над ее фантазией.

- Да брось ты, - Римма продолжает на меня смотреть как на чудачку. - Не хотела бы жить в Майями? На берегу океана?

- Не знаю, - отвечаю честно, пожимая плечами. - Я никогда даже не задумывалась над этим. Да и вообще, не уверена, что у нас с Валерой что-то получится. Разные мы.

- Чего это разные?

- Да ладно тебе, Рим. Он из богатой семьи, я скромная девочка из глухой провинции. Мои родители едва концы с концами сводят. Нужна я ему такая? Деньги всегда текут к деньгам.

- Ты слишком пессимистична, подруга. В любом случае, даже если замуж не выйдешь, хотя бы время красиво проведешь.

Я не отвечаю ей. Просто не хочу дальше продолжать бессмысленный разговор. Замечаю подходящих к нам Валеру с компанией друзей.

В руках парня огромный букет роз. Сколько их там? Сто? На губах обворожительная улыбка, а я смущенно опускаю взгляд. Римка, заметив ребят, тихонечко присвистывает, не сводя восторженного взгляда с моего ухажера.

- Привет, красотки! Ну как настроение? - раздается голос Павлика, лучшего друга Валеры.

- Отлично, - улыбается кокетливо Белозерова.

- Это тебе, - раздается сверху тихий голос. Подняв голову, утыкаюсь взглядом в огромную охапку цветов. Валера протягивает мне букет, и, наклонившись, целует в щеку. Меня окутывает запахом его дорогого парфюма. Вкусный. В этом парне абсолютно все по высшему разряду. Всегда стильно одет, идеально причесан, деликатен и вежлив. Но, почему-то, рядом с ним я не могу до конца расслабиться.

– Спасибо, но по какому поводу? – рассматриваю сочные бутоны цветов. На губах Валеры искрится улыбка.

– Удачно сданная сессия, экзамен, чем не повод? Да и вообще, разве нужна причина, чтобы подарить прекрасной девушке цветы?

– Спасибо, они очень красивые. Правда, – улыбаюсь смущенно, глядя на него сквозь слепящие лучи солнца. Парень обнимает меня за плечи, притягивая к себе.

– Не прекраснее тебя, – шепчет на ухо, а я заливаюсь краской. Никак не могу спокойно реагировать на его комплименты. Даже взгляд его заставляет полыхать краской.

– Сегодня все в силе? В клуб идем? – спрашивает Римма.

– Конечно. Есень, ты с нами?

– Даже не знаю... – пытаюсь придумать оправдание, но под внимательным взглядом Валеры все мысли разбегаются. Честно говоря, идти на дискотеку совершенно не хочется. Я беспросветная домоседка и тихоня. Шумному вечеру с друзьями предпочту компанию книг в тишине комнаты.

– Да брось, подруга. Пошли, потанцуем. Нужно оттянуться! Ты слишком напряжена, – вступает в разговор Пашка. Перевожу задумчивый взгляд с него на Валеру, затем на Римму. Все как один смотрят на меня с надеждой.

– Хорошо, но ненадолго, – вздыхаю, мысленно ругая себя за сговорчивость. – Послезавтра следующий экзамен. Не хочу, чтобы боль в голове отвлекала.

– Ты просто много не пей, больше танцуй, – смеется подруга.

– Тогда будут ноги болеть, – умничает Пашка.

– Поехали, отвезу вас, – заметив, что друзья ввели меня в еще большее смущение, Валера спешит помочь. Парень забирает букет, помогая донести его до машины.

Мы усаживаемся в дорогущую иномарку Валеры. Не разбираюсь в названиях, но судя по тому, насколько круто она выглядит, стоит как дом моих родителей. Валера газует, выезжая на проезжую часть, а я смеюсь, поглядывая на Римму. Она даже не скрывает своего счастья. Широко раскрытыми от возбуждения глазами рассматривает кожаный салон авто, перебрасываясь шутками с Пашкой.

- Есень, выглядишь бомбезно! Платье шикарное! - подруга восторженно всплескивает руками.

- Да ладно тебе, не выдумывай, - отмахнувшись от нее, поворачиваюсь к зеркалу, придирчиво рассматривая свое отражение.

- Старое платье. Мне родители покупали его к поступлению в универ.

- И не скажешь. Черт, на тебе даже мешок из-под картошки будет смотреться круто, - вздохнула Римма. Ее слова заставили меня улыбнуться.

- Ну, спасибо тебе. Только, не знаю, подойдет ли наряд для клуба, - платье и правда было симпатичным, но все равно ткань уже порядком износилась. А клуб, в который нас собирается вести Валера - самое дорогое заведение города.

- Ты девушка хозяйина. Дресс-код пройдешь, а там темно и много алкоголя. Всем не до тебя будет, - с умным видом парировала Римма.

- Очень на это надеюсь, - вздохнула, возвращая взгляд к своему отражению в зеркале.

Спустя пятнадцать минут мы с Римкой спустились на первый этаж общаги и встали на крыльце в ожидании Валеры. Подруга закурила. Поморщившись от удушающего сигаретного дыма, я немного отошла от нее.

- У вас уже было? - вдруг спросила она, как-то странно покосившись в мою сторону. Я не поняла, что Римма имеет в виду, пока подруга не поиграла бровями, намекая.

– Секс?

– Само собой, – слетело удивленное с губ.

– Ох, нет. Мы даже не вместе, – засмеялась смущенно.

– Да брось, Есень. Парень уже месяц бегают за тобой. Ты, конечно, молодец, что сразу не подпускаешь, но это тоже перебор!

Не успеваю ответить. У наших ног тормозит машина Валеры. Пассажирская дверь открывается, и из салона, улыбаясь во весь рот, на нас смотрит мой ухажер.

Спустя двадцать минут мы внутри клуба. Народу— тьма. Музыка грохочет, алкоголь льется рекой. Наша компания устраивается в одной из VIP-зон. Валера ни на секунду не отходит от меня. Римка практически все время проводит на танцполе. А я не решаюсь. Нет, я уверена в своем внешнем виде, и танцую неплохо, но что-то не дает мне расслабиться.

– Мои родители улетают на выходных в отпуск. Я хочу устроить небольшую тусу. Ты же придешь? – Валера обнимает меня за плечи, касается кончиком носа моей скулы. А я не свожу глаз с танцующей Риммы.

– На выходных я собиралась к родителям. Вряд ли смогу присутствовать.

– Нет, так не пойдет. Какая может быть тусовка без тебя? – хмурится, выпускает меня из рук. Потянувшись к столу, берет стакан с алкоголем, делает глоток.

– Паш, смотри, там не твоя бывшая? – обращается к другу, сидящему напротив.

Павлик, занятый этим временем разговором с Антоном, оборачивается в сторону танцпола.

– Черт, Маринка, – присвистнув, срывается с места, прямым в толпу.

– Ну все, сейчас снова ругань будет, а потом примирительный секс в туалете, – хохочет Антон.

– Проведут тест драйв туалетных кабинок на выносливость, – Валера допивает алкоголь.

– Не хочешь потанцевать? Мне нужно к брату заскочить.

– Да, конечно, – киваю, поднимаясь с диванчика. Не очень-то хочется идти, но сидеть одной, в компании Антона... С этим парнем мы совсем не можем найти общего языка, так что лучше на танцпол.

Валера целует меня в щеку и выходит из-за столика, направляясь к лестнице, ведущей на второй этаж, а я в поисках подруги. Нахожу ее в самом эпицентре всеобщего безумия.

– Римма! – зову ее. Белозерова отплясывает рядом с незнакомцем. Когда ее глаза находят меня, на губах подруги искрится улыбка.

– Есеня! Наконец-то! Ты где там пропадаешь? Так весе-е-ело! – кричит, подняв руки вверх. А я смеюсь, глядя на нее такую. И не пила ведь ни грамма.

Подруга хватает меня за руки, и тянет куда-то.

– Пошли со мной!

Римма забирается на небольшой выступ. Я вынуждена последовать за ней. Оглядевшись по сторонам, понимаю, что мы на сцене. Здесь парочка пилонов и немного места для танца. Римма начинает двигаться под ритмичную музыку, не отпуская моих рук. Мне не остается ничего другого, как расслабиться и отдаться магии музыки. Прикрываю глаза, пропускаю сквозь себя громкие биты. Они словно разряды тока, проходящие по моим венам. Начинаю двигаться. Не думаю ни о чем. Просто отдаюсь этому занятию. Один трек сменяет другой, а потом следующий... Мы с Римкой, в центре внимания.

Радость. Именно это чувство вдруг наполняет мое сердце. И почему я пол вечера провела на диване? Почему боялась присоединиться к Римме?

Музыка снова меняется. Теперь звучит медленный трек, и мы с Риммой немного приходим в себя.

– Не хочешь пойти освежиться? – спрашиваю подругу, убирая с лица влажные пряди волос.

– Пойдем, – кивает Римка.

Я отступаю назад и, сделав шаг, вдруг начинаю падать назад. Сердце замирает от ужаса, в ожидании твердого приземления, но его не происходит. В последний момент, меня ловят мужские руки. Спаситель помогает мне принять вертикальное положение. Желая поблагодарить незнакомца, поворачиваюсь, и застываю, глядя в его глаза. Такие они... невероятно глубокие и притягательные.

– Учишься летать, птичка? – губы незнакомца кривит улыбка. Отмечаю про себя, насколько она обворожительна. Его глаза не отпускают моих, как и руки. Они все еще на моей талии.

– Ты бы не держал, сложно так улететь...

Сердце клокочет где-то на уровне горла. И дрожь по телу бежит от ощущения его теплых ладоней на своих теперь уже бедрах.

Он подается ближе. Так близко, что мой нос утыкается в основание его шеи, прямо в прохладный металл золотой цепочки.

– Боюсь, что уже не смогу, – шепчет, делая глубокий вдох. А у меня голова кружится. То ли от его аромата, то ли от слов.

– Есения! – раздается за спиной голос Валеры. Где-то там, далеко. Сквозь шум музыки. А я словно и не слышу его. Парень отстраняется, но продолжает держать меня в руках. Смотрю в синеву его омутов, и все вдруг отступает на второй план. Слово и нет ничего больше. Только я и эти синие глаза, с морщинками в уголках.

– Ты не Есения, ты – Синичка, – улыбается незнакомец. И от прозвища, данного им мне, мурашки по коже.

– А тебя как зовут, охотник? – смеюсь, все-таки выпутываясь из его рук. Он молчит. Смотрит на меня хитро, словно знает больше, чем я.

– Грех, ты чего тут застрял?! – раздается за его спиной громкий мужской голос. А спустя мгновение, крупная ладонь ложится на плечо Греха. Я хочу рассмотреть лицо его друга, но меня окликают.

– Есень, – снова голос Валеры, только теперь за моей спиной. Чувствую прикосновение его пальцев к предплечью и словно с небес на землю спускаюсь. Что же я творю? Пришла с парнем, и на его глазах позволяю себе флиртовать с другим.

Поворачиваюсь к Кобзарю.

– Да, все хорошо, – улыбаюсь, но избегаю его глаз. Стыдно.

Валера берет меня за руку, и бросает взгляд поверх моего плеча. Смотрит на Греха. Кобзарь напряжен, чувствую его недовольство. Мы уходим с танцпола, и я, не сумев сдержаться, бросаю быстрый взгляд на парня. Грех стоит на том же месте. На его губах теперь нет улыбки, он спокоен. Но в его взгляде, устремленном на наши соединенные с Валерой руки, напряжение. И от этого мне становится не по себе.

Глава 2

– Есень, ну пожалуйста, – застонала в голос подруга, изображая из себя мученицу.

– Нет, Рим, я не хочу идти к нему домой. Тем более, после произошедшего на прошлой неделе, это покажется весьма странным.

Римка недовольно нахмурилась. Отвернувшись к зеркалу, продолжила красить ресницы.

После того вечера в клубе многое изменилось. Я наконец-то приняла решение. Поняла, что не хочу быть с Валерой. Не пара мы. Разница в социальных статусах, разные по духу люди. Много моментов, но решающим стало поведение Кобзаря после инцидента с незнакомцем.

Он вышел из себя. Закатил дикую ссору, как только мы покинули здание клуба. Он кричал на меня, сверлил гневным взглядом со сжатыми кулаками. Говорил, что я сделала ему больно, называл обманщицей. А я смотрела на него и не могла понять, в чем моя вина?

Мне было стыдно за его поведение. Мы стояли посреди людной улицы, а он при всех оскорблял меня. Человек изменился, будто по щелчку пальцев. В один момент из вежливого паренька превратился в хама. Вот тогда я и сказала ему, что между нами не может быть абсолютно никаких отношений, после чего развернулась и ушла.

Брела одна по ночным улицам, рыдала от обиды и усталости. Я не любила его, но горько было от такого хамского отношения.

С того дня мы перестали общаться. Валера больше не дежурил возле моей аудитории, не встречал меня после экзаменов, не желал доброго утра и спокойной ночи. Так быстро и неожиданно закончилась его любовь. Но грустить времени не было. Я окунулась в учебу. Готовилась к зачетам и экзаменам, сдавала их и шла заниматься дальше. Римка несколько раз звала меня погулять с одноклассниками, но я отказывалась. Ждала конца следующей недели. Когда сдам последний экзамен, закрою сессию и укачу домой к родителям, где смогу провести пару недель рядом с родными людьми.

– Подруга, ну хватит хандрить! Ты мне нужна! Что я буду делать без тебя? – продолжает канючить Римма. Оторвав от книги взгляд, осматриваю ее. Хороша. Коротенькое платье, волнистые распущенные волосы и яркий макияж.

– Будешь веселиться и танцевать, – возвращаю внимание к тексту, но скорее для вида. В голову не лезет абсолютно ничего. Уже десятый раз читаю одну и ту же страницу.

– Кобзарь просил передать, что не в обиде на тебя, – Римма укладывает косметику в стол и, поправив волосы, поднимается.

- Просил передать, если не можете быть вместе, как пара, он готов быть тебе другом.

- Он тебе это все сказал? - я не знаю смеяться мне или злиться.

Римма словно не замечает моей реакции.

- Валера такой деловой, все сам за всех решил, даже не извинился! Еще и не в обиде на меня. Здорово просто!

- Сегодня, когда мы в курилке стояли после экзамена, он звал нас с собой в гости, - отвечает подруга, пропуская между ушей мои реплики.

- Ну вот пусть с тобой и дружит, - фыркнув, откидываю книгу в сторону.

- Ну и ладно. Я там умру со скуки без тебя, а во всем виноватой будешь только ты.

- Какая удобная позиция. Хорошо, если тебе так легче, соглашусь, что всему виной буду я.

- Сегодня на тусовке будет его брат, ну тот, что клуб открыл. Я только из -за него иду. Авось, понравлюсь парню. Если мне повезет, и он обратит на меня внимание, я зевать, как ты не буду. Сразу к рукам приберу красавчика.

- Ты же его еще ни разу не видела, а красавчиком зовешь, - смеюсь, поражаясь фантазии Риммы.

- У такого симпатяги, как Валера, не может быть страшного брата. А ты сиди тут и тухни по своему незнакомцу, - засмеявшись, подруга приблизилась, чтобы поцеловать меня на прощанье.

- Я не страдаю по нему. И хватит смеяться.

Ничего не ответив, Римка вышла из комнаты.

Меня раздражают ее слова о Грехе. Потому что это правда. Всю последнюю неделю и дня не было, чтобы я не вспоминала того парня с танцпола. Его синие глаза, его улыбку. То, каким уверенным он был, словно весь мир ему принадлежит, и я тоже. А потом в памяти всплывал его гневный взгляд, когда Валера взял меня за руку и повел с танцпола. Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы не друг незнакомца, который и увел его.

Оставшись одна в комнате, пытаюсь позаниматься. Но уже через пятнадцать минут понимаю, что дело дрянь. Голова совсем не соображает. Решаю устроить на сегодня выходной. Ближайший экзамен только послезавтра, так что время на подготовку еще есть. Сделав себе чай, захватив пару любимых шоколадных конфет, устраиваюсь на кровати с новеньким детективом.

Спустя десять минут в дверь стучат. На пороге стоит Колюжная Маринка.

- Есень, тебя к телефону. Спустись к вахтерше на проходную.

Сердце замерло от волнения. Накинув халат на плечи, быстренько рванула вниз по лестнице. Красной лампочкой в мозгу замигали жуткие мысли. Что-то с мамой. Или папой. Кто может звонить мне в общагу?

- Здравствуйте, баб Зин, - я подскочила к посту вахтера. Сердце колотилось от быстрого бега, и я старалась успокоить дыхание, но мой голос предательски дрожал.

- На, - толкнула в мою сторону телефон дежурная. - И передай своему дружку, что здесь не переговорный пункт, - пробурчала она недовольно.

- Есень, привет, - раздался в трубке голос Валеры.

Меня тут же отпустило. С мамой и папой все хорошо. А когда я поняла, кто именно звонит, начала злиться.

- Прости, что тревожу, тут твоя подруга... как бы перебрала, - голос парня звучал как-то странно. На том конце провода было очень шумно. Гремела музыка и многочисленные голоса.

– Римка? Она же всего два часа назад уехала.

Я была удивлена его словам. Римма никогда не напивается. Да, подруга не прочь потусить, но она всегда держит себя в руках и знает норму.

– Ну, быстро с дистанции сошла, – он засмеялся, и мне это совсем не понравилось. Похоже, там уже вся компания навеселе и подруга в опасности. Снова стало тревожно.

Как бы мне не хотелось видеть Валеру, но и Римму страшно оставлять там одну в таком состоянии. Спросив адрес их тусы, сказала, что буду через полчаса.

Ринулась, сломя голову, собираться. Пару раз чуть не упала, натягивая джинсы. В груди волнительно ныло. Что же такое учудила Римка? Или ее специально напоили? Я уже ничему не удивлюсь.

Выбежав из общаги, подумала, что на автобусе ехать придется слишком долго. Подбежала к припаркованному у обочины такси, запрыгнула внутрь и спустя пятнадцать минут я была у входной двери квартиры Антона.

Постучав, поняла, что меня никто не услышит. На всю подъездную площадку звучали оглушительно громкие басы музыки. Постояв пару минут, нервно переминаясь с одной ноги на другую, толкнула дверь, и она неожиданно распахнулась. Не раздумывая, прошла внутрь.

Широкий полутемный коридор был весь задымлен. Пахло чем-то приторно сладким. Под ложечкой засосало. Ускорив шаг, прошла в первую попавшуюся комнату. Именно из нее доносилась громкая музыка. Народу было – дуром. Протолкнувшись сквозь танцующую массу, заметила у стены большой Г-образный диван. Там и была Белозерова. Подруга сидела на коленях у какого-то парня. Я его не знала, но судя по одурманенно-безумному взгляду последнего, от такого лучше держаться подальше.

Приблизившись, взяла подругу за руку. Потянула. Ее голова лежала на его плече, глаза были закрыты.

– Рим, пойдём, – от нервов голос был еле слышным. Римка приоткрыла глаза, удивленно уставившись на меня.

– Эй, ты кто такая? – нахмурился незнакомец, ещё крепче прижав к себе Белозерову за талию.

– Я её подруга. Нам пора уходить, – я старалась не смотреть на него. Упорно тянула Римку на себя, пытаюсь поднять. Но парень и не думал отступить.

– Ты чего кайф нам ломаешь? Иди, расслабься, не видишь что ли, девочка оттягивается, – засмеялся урод, переглянувшись со своими друзьями.

– Оттянешься с другой. Римма домой уходит, – посмотрела на него с вызовом.

Незнакомцу не понравилась моя наглость. Его лицо исказилось в злой гримасе.

– Есень, ты пришла, – засмеялась Белозерова, когда, наконец-то узнала меня.

– Пришла. И уйду. С тобой...

Мне все-таки удалось вырвать Римму из рук прилипалы. Слышу его недовольный голос. Он матерится, и его друзья тоже. Но тяну бульдозером Белозерову к выходу, стараясь как можно скорее покинуть это ужасное место. Радует только то, что Валеру не встретила.

Выйдя из дома, помогаю Римке добраться до ближайшей лавочки в тени деревьев. Подруга немножко отошла. Уже стойко держится на ногах. Достав из сумочки зеркало и чистый носовой платок, вручаю ей.

– Ну и? Как это объяснить? – спрашиваю, не сумев сдержать злость. Как она могла так необдуманно поступить? Напиться в совершенно незнакомой компании.

– Прости, я не знаю, как получилось. Выпила всего бокал коктейля. И меня просто унесло, – вздыхает Римма.

– Коктейль делал тот самый тип, у которого ты на коленях отдыхала? – кажется, я начинаю догадываться, что именно так быстро свалило подругу с ног.

– Да, это Матвей, брат Валеры.

– Боже, да он нарик какой-то. Римм, надеюсь, ты не собираешься с ним общаться?!

– Да какой нарик, нормальный парень, – ворчит недовольно Белозерова. Поправив макияж, возвращает мне зеркальце. – Ладно, возвращаться не буду, до сих пор подташнивает от их бурды.

Злюсь на нее. Такое чувство, будто у нее мозги напрочь отказали. Как вообще можно рассматривать вариант общения с этими людьми?

– Туда в принципе возвращаться не нужно. Пошли, – поднявшись с лавочки, иду быстрым шагом к дороге. Спустя минуту Римка догоняет меня.

– А чего пешком? – кривится, прижав ко лбу ладонь.

– У тебя деньги есть? – спрашиваю, не поворачиваясь. Вижу, что ей тяжело успевать за мной, но не сбавляю темп.

Римка лезет в сумочку.

– Черт, деньги стянули, – хмурится, а я только хмыкаю про себя. Совершенно не удивлена.

– Твой прекрасный Матвей, прям рыцарь на коне... , – слетает с губ сарказм. – И у меня нет денег. На такси все отдала. Придется пешком, – вздохнув, останавливаюсь.

Взяв подругу под локоть, выхожу с ней на тротуар.

– Заодно и протрезвешь.

До общаги было далеко. Около часа пути на машине. А исходя из нашей черепашьей скорости, добраться нам удастся к глубокому вечеру, не раньше. Через полчаса Римма совсем протрезвела.

Подруга все время рассказывала мне об этом странном типе, на коленях у которого я ее нашла. В конце концов, я попросила ее не злить меня и поменять тему разговора. Не хотелось ссориться с Белозеровой, но и разделить ее радости по поводу брата Валеры я не могла.

Постепенно наша беседа перетекла в более мирное русло. Мы обсуждали предстоящие каникулы и практику. Римма пообещала поговорить со своей мамой, попросить ее, чтобы та устроила нас к себе в клинику на работу. Не хотелось расставаться с подругой даже на лето. Да и в деревне торчать неохота. Пары недель побыть с родными мне хватит с головой. Дольше там делать нечего. Скукота смертная.

Наконец, мы вышли на главную площадь города. Увидев, что творится на ней, от удивления даже остановились. Площадь была полна народу. Люди стояли перед зданием администрации с транспарантами. Кто-то выкрикивал лозунги, другие просто переговаривались между собой. Митинг был с виду мирный, но в груди заныло от волнения. В самом воздухе чувствовалось напряжение. Только от одного количества собравшихся людей дурно становилось.

- Что это? - мы удивленно, уставились на кричащего мужчину. Он стоял на небольшом выступе и что-то вещал. Его голос был грозным. Я не знала, о чем шла речь, но слыша его, ловила себя на мысли, что готова идти за этим человеком. А потом ужаснулась собственным мыслям.

- Митинг против закрытия завода, - прорычала Римка. - Сотни людей без средств к существованию оставить хотят! - прокричав это, подруга вдруг рванула вперед.

- Ты куда? - попыталась ее остановить, но она словно и не слышала меня.

Черт, да что же это такое? Мне совершенно не хотелось идти в толпу. Но с каждой секундой, Римма отдалялась от меня и я испугалась, что потеряю ее из

виду. Выругавшись, сорвалась вслед за ней.

Белозерова, остановившись в самом центре, возле выступающих, начала выкрикивать лозунги. Я подбежала к ней и стала ее останавливать, но она только отмахивалась от меня.

Вдруг началась какая-то возня. Люди стали толкаться, кричать. Толпа пришла в движение и нас понесло в сторону. Справа я заметила начавшуюся драку. Десятки людей лупили друг друга. А потом слышались звуки милицейских сирен.

Из нескольких автобусов повыскакивали мужчины в форме ОМОНа. На них были надеты балаклавы, а поверх каски. В руках дубинки. Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

Началось что-то ужасное. Настоящий хаос. Люди толкались и выражали свое несогласие с происходящим. Кто-то пытался убраться, кто -то наоборот, разозленный бросался на милицию. Я вцепилась в Римку, пытаюсь утянуть ее в сторону, но толпа не пропускала. Нас понесло в общем потоке. Я видела, как милиционеры стали разгонять народ. Хватали по одному, тех, кто сопротивлялся, скручивали и клали на землю, надевая наручники. А потом вели в припаркованный рядом милицейский автомобиль.

Какой-то мужчина завалился на нас с Белозеровой. Наши руки расцепились, и мы оторвались друг от друга. Всего пару секунд понадобилось мне, чтобы высвободиться от свалившегося на меня человека. А когда я осмотрелась, подруги нигде не было.

- Римма! - крикнула я, но шум, царивший на площади заглушил его. Испуганно вертела головой по сторонам, силясь найти подругу.

- Римма! - слетело с моих губ восклицание, когда я заметила ее у рядов ОМОНа. Не раздумывая, ринулась туда. Уже была совсем близко к ней, когда увидела, как один из спецназовцев схватил ее и заломил руки за спиной.

- Нет! Отпустите ее! - не помня себя кричала во все горло, пытаюсь пробраться к ней. Вдруг меня саму кто-то схватил за ворот блузки, и я, словно маленький котенок, повисла в воздухе.

- Отпустите!

- Да тише ты, угомонись! - раздалось над ухом.

Меня потащили к машине с задержанными. Радовало одно, туда только что поместили Римку. Значит, не потеряемся.

- На, держи эту, - прогремел голос моего ОМОНовца, когда мы приблизились к дверям автобуса. Я подняла испуганный взгляд на милиционера, принимающего меня в дверях, а когда встретилась с ним глазами, едва не ахнула.

- Синичка? - сорвалось с его губ удивление. Это был Грех. Тот самый парень с танцпола. Он в отличие от других стоял без маски на лице. Я только и смогла, что кивнуть, испуганно прижимая к груди руки. Сейчас он был таким огромным в этом снаряжении. Парень огляделся по сторонам, нахмурился. А потом схватил меня за рукав и прижал к себе.

- Пошли, - бросил тихое на ухо, и потянул к дальнему автобусу, на котором приехал спецназ.

Возле его дверей стояла парочка мужчин в форме. Их лица я разглядеть не смогла - балаклавы и шлемы.

- Лапа, посади девчонку к нам. Смотри, чтоб не одна падла не обидела. Отвечаешь головой, - прорычал Грех одному из них. Парень кивнул, сделав мне знак, проходить внутрь.

Грех, наклонился ко мне так, что теперь между нашими лицами были считанные сантиметры.

- Иди, не бойся. Сиди тихо и жди меня. Отсюда по- другому сейчас не уйдешь.

Я снова кивнула. Он улыбнулся и подмигнул мне, от этого на душе сразу стало светло и страх отступил.

- Римма, - сорвалось с губ.

– Что? – он нахмурился.

– Римма, моя подруга, она здесь. Освободи и ее, пожалуйста.

Помолчал пару секунд.

– Хорошо, отпущу, – кивнул, после чего хитрая улыбка скривила его губы. – Но с одним условием.

– Конечно, – тут же согласилась я, понимая, что готова отдать все, лишь бы спасти подругу.

– Эй, Гера! – крикнул ему Лапа, тот что ждал меня у автобуса. Грех посмотрел на него.

– Каску надень, придурок, – засмеялся парень. Грех продемонстрировал ему средний палец, а потом, подмигнув мне, быстрыми движениями натянул на лицо балаклаву и рванул обратно к толпе.

Глава 3

Гера

По лицу текли струйки пота, который попадал в глаза. От этого их нещадно щипало. Сегодня было адски жарко. Да еще и плечо ныло – какой-то урод заехал кастетом. Скрутить бы идиотов в бараний рог, но долбанная инструкция. Самое удивительное, что агрессивнее отбиваются женщины. Да и ведут себя по-особенному отморозено, если видят, что их мужиков впихивают в автозак. Бросаются, сломя голову на передовую, долбанные защитницы.

– Да не сопротивляйся ты, дебил. Хуже будет, – рычу, пихая в спину пытающегося вырваться из моих рук мужика. У дверей автобуса дебошира принимает Питон.

– Давай, заходи уже, – подталкивает его в спину, так, что тот пулей влетает в салон. Друг никогда не отличался терпением и вежливостью.

– Все, последний, – выдыхаю, осматривая площадь. Кроме лежащего на асфальте мусора, обрывков плакатов и обломков палок ничего нет. Тут уже коммунальные службы пусть за дело берутся. Парни свое дело сделали.

Народ ждет команды ехать на базу. Все устали и перенервничали. Что поделаешь, работа не из приятных.

Стягиваю каску и балаклаву, стираю тканью пот со лба. Ловлю в зеркале автобуса свое отражение. Роба перепачкана. И как сейчас покажусь ей? При мыслях о девчонке по венам адреналин бежит.

– Грех, давай двигай! Отъезжаем уже! – раздается голос Лапы. Друг стоит у дверей нашего автобуса. Курит. Убрав за спину автомат, приближаюсь к нему.

– Там подружка твоей, «ку-ку» совсем, – хмыкает Андрюха, стряхивая пепел на землю. Черт курить хочется, но увидеть ее больше.

– Борзая девка, – добавляет Лапин, делаю последнюю затяжку.

Запрыгиваю внутрь. Пацаны уже расселись по своим местам. В душных бронниках, с автоматами. Синичка сидит на моем месте, в самом конце салона, там где я ее и оставил. В широко распахнутых глазах читается испуг. Нижняя губа слегка подрагивает, так, словно она вот – вот расплечется. А сидящая рядом с ней подруга наоборот, волчком на всех смотрит.

– Михалыч, – хлопаю по плечу водителю. – Не против, если девчонок подбросим?

Журбин недовольно косится.

– Нашел такси, – бурчит, отворачиваясь к баранке.

– Ты же знаешь, я в долгу не останусь.

– Ладно, черт с тобой, – вздыхает, устало отмахиваясь. – Только недалеко.

Пройдя вдоль салона, устраиваюсь рядом с Синичкой, на место Лапы.

- Ты как, в порядке?

Девчонка кивает. Замечаю, как дрожат ее руки. Она сжимает их коленями.

- Да, спасибо... - шепчет глядя в глаза мне. Маленькая такая, хрупкая. Да, ей не выжить там. От мыслей, что она могла оказаться среди тех буйных, за решеткой, зубы сводит. И какого черта вообще поперлась в толпу? Не похожа на чокнутую митингующую. А вот подружка ее, очень даже...

- Да за что им спасибо?! - рычит Римма. - Безоружных людей похватали, избили да еще и в тюрьму посадят, сволочи.

- Не такие уже они безоружные, - раздается недовольный голос Женьки Смирнова.

- Толпа это плохо, а агрессивно настроенная - самое дерьмовое, - спокойно парирует Степа, сидящий напротив. Пацаны сдерживаются из-за меня. Так бы доходчиво объяснили положение дел.

Лапа с Питоном забираются в автобус. Лапин, заметив меня на своем месте, хмурится.

- Эй, Гера, ты не охр*нел? Мало того, что полный автобус баб себе набрал, так еще и мое место занял. Здорово устроился... Разогнал, блин, толпу, - бурчит недовольно.

- Лапа, че ты ноешь? - Питон толкает его в плечо. - Пойди себе возьми кого-нибудь, чтобы стоять не так грустно было, - ржет приятель. К нему присоединяются все сидящие в автобусе. Синица вовсе в краску впадает.

- Ладно, рты позакрывали. Не пугайте девчонок!

Все глохнет как по команде. Михалыч включает радио, выезжая на проезжую часть.

- Есень, давай уйдем. Я серьезно, - слышу шепот ее подруги.

– Эй, ты чего такая напряженная? – по всей видимости и Лапин слышит ее. – Хочешь жвачку? – притягивает ей пачку «Орбит». Лапа у нас местный красавчик и сердцеед. Еще не было ни одной девчонки, чье сердце не было им покорено. Но вот подруга Синички, похоже, твердый орешек.

– Не хочу, – рычит Римма.

– Спасибо, – Есения принимает из его рук угощение, виновато улыбаясь. Ее жест заставляет меня улыбнуться. У девчонки должно быть огромное и доброе сердце. Как умело она сглаживает углы.

– Слушай... Римма, – жду, когда подруга Синички метнет в меня взгляд. – Ты не думай, нам самим это не нравится. Просто работа у нас такая, деваться некуда особо.

– Работа, – смеется она ехидно. – Можно подумать, вас заставляют. Могли бы и в другом месте работать. На заводе, к примеру, у станка.

– Да завод уже закрыли, так что рыпаться нам некуда, – ржет Питон.

Есения поворачивается ко мне.

– Гера, правильно?

– Так точно, – улыбаюсь как debil. Руки так и зудят от желания потрогать ее каштановые локоны, развивающиеся от потоков ветра из открытого окна. Мне, почему-то кажется, что ее волосы должны быть невероятно мягкими.

– Вы простите, спасибо вам. Остановите, мы лучше выйдем.

В ее глазах мольба. Не хочу, чтобы она боялась.

– Михалыч, останови после светофора.

Приходится заставлять себя поступать правильно. Но расставаться с ней – меньшее, что я могу хотеть. Эта девчонка как магнит. Еще тогда, в клубе запал, когда увидел ее на танцполе. Выглядела скромнее других, одета тоже не

броско, но она будто не в толпе была, а над ними всеми возвышалась. Глаз оторвать не мог, как подорванный стоял и пялился. Пять лет не курил, а в тот вечер сорвался. Сильное разочарование пережил, когда увидел ее рядом с тем хмырем. За руку ее так держал, с*ченыш... Еле смог сдержаться. Сам себя одернул. У них, может, отношения, а я тут рожу ему начистить собираюсь. Понимал ведь, что не стоит лезть, но в груди, с*ка, что-то щелкнуло. Так дерьмово стало, словно мою девчонку уводят.

А сегодня, когда увидел, как Степа едва ли не волочит за собой, взбесился. Чуть другу рожу не начистил. Сдержался. Работа ведь у нас такая. Да и он не знал ее.

Схватил девчонку и потащил к нашим, желая как можно быстрее спрятать ото всех, нарушая все возможные инструкции и правила. Уверен, что это не останется незамеченным. Нет, пацаны, конечно, прикроют перед начальством, но кто-нибудь, да донесет. Да и плевать. Не мог я оставить ее там, не мог позволить затянуть в то безумие.

Автобус тормозит, Михалыч открывает двери. Я выхожу первым. Подаю руку Синичке. Римка проходит мимо, игнорируя меня.

- Гера, только быстро давай, - раздается из глубины салона голос Питона.

Киваю пацанам.

Отхожу с девчонками на несколько метров. Синичка останавливается, неуверенно топчась на месте.

- Сами доберетесь? Помощь не нужна?

- Доберемся, - кивает, смущенно улыбаясь. - Наша общага в двух кварталах. Спасибо за помощь, правда. Если бы не вы, ночевали бы мы сейчас в камере.

Я киваю. Не знаю, что сказать. Как-то слишком все напряженно вокруг. Чертова подруга. Смотрит на меня как на врага, да и Синичке небось в голову ерунду вбивает.

Есения улыбается и еще раз благодарит меня, направляясь за подругой. А я понимаю, что не могу вот так просто отпустить ее. Будто на автопилоте срываюсь следом, хватаю ее за запястье. Синичка замирает. Поднимает на меня удивленно-испуганный взгляд.

– Свидание. Ты обещала мне, – подмигнув, улыбаюсь ей. Пошло оно все к чертям. Если не попытаюсь, буду идиотом.

Наверное, мы смотримся очень странно. Стоим посреди улицы, бугай с бронником на груди и автоматом на перевес и маленькая хрупкая девочка, от решения которой зависит так много.

– Какое свидание? – вступает ее подруга, одергивая Синичку. – Ты спятила? На свидание с ним собралась?!

Римма поднимает на меня гневный взгляд, и тянет за собой Есению.

– Езжайте уже отсюда!

Стою и пялюсь на удаляющиеся фигуры девушек. Черта с два я отстану. Она – моя.

– Греховцев, давай быстрее! Наши все уже в отделе! По шапке настучат! – раздается громкое из салона.

Чертыхнувшись, сплевываю в сторону. Теперь готовься к выговору. Майор тот еще гад. Так просто ситуацию не оставит. Да и стукачей у него полно. Как пить дать, уже прознал обо всем.

Три дня спустя

Стоял и жал на кнопку звонка. Сил не было даже постучать в дверь. Хотя, внеочередное дежурство, не самое худшее, что могло мне светить за проступок.

Когда Марина, открыла дверь, в буквальном смысле ввалился в квартиру.

– Эй, тише ты, боец. Пришибёшь ведь, – засмеялась девушка, отступая в сторону.

– Прости, я двое суток без сна, вырубает жестко, – скинув в углу берцы, прошел вглубь комнаты. Словно по команде под ногами стал кружить маленький жучок, с двумя пушистыми хвостиками на голове. Полинка, дочка Питона.

– Грех, проходи! – раздался из кухни Петин голос.

– Прходи дорогой, только руки помой и за стол, – Марина забрала из моих рук спортивную сумку. Кивнув, послушно поплелся в туалет.

– М-м-м, вкусно пахнет, – крикнул, вытираясь полотенцем. Запах в квартире стоял изумительный.

– Рыба жареная и картошка на ужин, – произнесла Марина, когда я зашел в кухню. Друг сидел за столом.

Увидев разнообразие блюд, даже усталость сошла «на нет». Забыл уже, когда нормально питался. Набросился на еду словно волк, который только что из леса выбрался.

– Ты как с голодного края, – хохотнул Петя и в этот момент снова раздался дверной звонок.

– Лапа пришел, – встрепенулась Марина и поднялась из-за стола, направляясь в коридор.

Спустя пару минут в комнату вошел Андрюха.

– О, Маришка, дай пожрать, голодный, аж морда трясется, – ухмыльнулся друг, устраиваясь рядом со мной за стол.

– Сейчас, троглодит ты маленький, – смеется Марина, за что получает хмурый взгляд от Питона. Осекается. Отвернувшись к плите, накладывает еду в тарелку.

Не знаю, что у них произошло снова. Петя мой брат и друг, но его поведение по отношению к жене я не понимаю. Маринка – мечта любого мужика. Умная, красивая, преданная. Отменная хозяйка, заботливая мама и жена. А он вечно ее

строит. Ревнует и с ума сходит от этого. Пару раз чуть ли не до драки дошло с Лапой. Андрюха у нас тот еще ловелас, но к Маринке никогда даже намеков не было. А этот что-то себе выдумал и по пьяни набросился на Лапина. Еле успели их разнять.

Марина ставит блюда на стол.

- Марин, нам пообщаться надо, - поднимает на нее строгий взгляд муженек.

- Да ребят, если что зовите, - взяв малышку на руки, выходит из кухни. Питон наполняет рюмки белой.

- Короче, дело есть.

Чокнувшись, опрокидываем в себя алкоголь.

- Что за дело? - тут же вступает в разговор Лапа.

- Знакомый есть. Работал на стройке бригадиром. Хозяин фирмы кинул на деньги. Обещал заплатить, а дал под зад ногой. Парнишка ко мне обратился, хочет просто моральной компенсации. Проучить урода! Показать, что так с честными людьми нельзя поступать. Ему сотню, остальное нам, раскидаем на троих двести кусков, - Питон обводит внимательным взглядом каждого из нас.

- Ну а че, я в деле. Как раз дома телек сгорел, матушке на день рождения подарок замучу, - довольно потирает руки Лапа. Андрюха уже на низком старте. А вот я его настроя не разделяю.

- А ты, Гера? - спрашивает Петя.

- Ты знаешь, - пожимаю плечами, не желая вдаваться в подробности. Уже раз сто поступали подобные предложения, и у меня каждый раз был один и тот же ответ.

- Не люблю я эти дела. А если заявит? Потом срок мотать из-за х*рни такой. Мы не бандюки, чтобы долги выбивать.

– Ты, Гера подумай, не спеши с ответом, —не отступает Петя. – Дело плевое, легкие деньги. Мы ж его убивать то не собираемся, так потрепим немного. Забыл, что ли как раньше морды чистили на улице?

– Так это было когда. Подростками были! Мозгов еще не было, – смеюсь, вспоминая наши похождения.

– Ну, как знаешь. Времени подумать до конца недели. У тебя ж вроде девчонка появилась. На свиданье сводишь в ресторан дорогой.

Глава 4

Есения

Голова раскалывалась, буквы на бумаге расплзались, сливаясь в одну полосу. Снова и снова я пыталась прочитать конспект, но ни одного слова не оставалось в памяти. Все. Я устала.

Зарывав с досады, резко поднялась со стула, так, что предмет мебели едва не завалился назад – успела подхватить. Несколько бессонных ночей сделали из меня настоящего зомби. Нужно было срочно зарядиться сладким, а еще лучше сном. Со вторым все обстояло напряженно. До экзамена совсем чуть-чуть, нужно успеть выучить еще пятнадцать билетов, а на часах уже восемь вечера.

Порывшись в полке с продуктами, из сладкого нашла только чупа-чупс. Фу-х, хоть что-то. Все вкусное уже съедено, а до стипендии целых пять дней. Нужно как-то продержаться.

Настроение было отвратительным. Валера снова стал одолевать меня звонками и подарками. Каждый день девчонки передавали от него букеты и шоколад. Я все возвращала обратно. Меня эта ситуация раздражала. Почему этот парень не может забыть о моем существовании? Я не верю в его чувства, не верю ему вообще. Его повышенное внимание сейчас – лишь нежелание признавать проигрыш. Кобзарь не из тех, кто умеет слышать слово «нет».

А вот Римка придерживалась абсолютно противоположных взглядов. С того самого вечера, как я вытянула ее практически в бессознательно-одурманенном

состоянии с вечеринки, она только и говорит, что о его братце Матвее. Вместо подготовки к экзаменам, подруга пропадает вечерами на свиданиях.

Вчера вечером мы с ней рассорились вконец. Все началось из-за сказанных мной слов в адрес Валеры и его брата, а закончилось тем, что она начала оскорблять Греха и его сослуживцев. Кричала, что я связалась с нищевродом. Говорила, что такие ребята кроме драк и бандитизма ничего не умеют. И что с ним меня ждёт боль и разочарование. Я смотрела на подругу и никак не могла понять, когда она успела так поглупеть? Разве она не слышит себя? Разве не понимает, какую чушь несет? Нет, дело было не в Грехе. Я совсем не знаю этого парня, и, возможно, позавчера мы виделись с ним в последний раз в жизни, ведь ни номера телефона, ни адреса я ему не оставила. Меня взбесили слова Римки о Кобзаре. В ее глазах Валера и его брат выглядели рыцарями только потому, что у них были деньги. Тут я не смогла смолчать. Мы поругались. Так, что Римма ушла ночевать на второй этаж к Машке Сидорчук. Сказала, что попросит коменданта к следующему учебному году расселить нас. Я промолчала. Не видела смысла в дальнейшем разговоре. Мне кажется, ей хватит и пары недель, чтобы разочароваться в своем новом ухажере.

Всунув конфету в рот, снова устроилась за столом, решив вернуться к занятиям, но вдруг услышала какой-то звук. словно мелкий камушек ударился о стекло. Посмотрев в окно, замерла. Спустя пару мгновений это повторилось. Еще один камушек, только он прилетел в районе моего лица, заставив отпрыгнуть в испуге. Что за ерунда? Осторожно посмотрела вниз. Едва не охнула от удивления. Прямо под моим окном, с огромным букетом ромашек в руках стоял Грех. Сердце замерло от восторга. Я не могла отвести глаз от обворожительной улыбки на его губах.

– Синичка, открой окно! – крикнул парень и засмеялся.

Черт. Точно. Отругав себя за растерянность, дрожащими пальцами попыталась повернуть ручку. Удалось мне это с третьей попытки. Распахнув створки, высунулась наружу.

– Как ты нашел меня?

Он прищурился, пожал плечами.

- Подумал, что в ближайшем квартале нет ни одного общежития кроме этого.

- Какой ты сообразительный, - сложила руки на груди, засмеявшись.

- А ты думала, мы только кулаками махать можем?

- Конечно, я так не думала.

- Выходи! Ты должна мне свидание! Или передумала уже? - его брови нахмурились, парень посмотрел на меня исподлобья.

- Не передумала, - улыбнулась тому, насколько он обаятелен. Мне было безумно приятно видеть его снова. Но не думает же он, что я вот так сразу брошусь в объятия? Не хочется мне его расстраивать, но крутой спецназовец сегодня останется без свидания.

- Но сегодня не могу.

Перекатила во рту чупа-чупс, улыбнувшись его удивленному выражению лица. Видимо привык, что девчонки штабелями падают. Конечно, такой громадный, да еще и ОМОН.

- Ты еще кому-то должна свидание? - нахмурился, окинув меня строгим взглядом. - Покажи-ка мне этого несчастного!

Мне стало так смешно. Он как ребенок, ей богу. Высокий, под два метра ростом, крепкий, а болтает такие глупости.

- Я не стану тебе его показывать. Не хочу рисковать его здоровьем. Он может расстроиться, еще и сердечко прихватит, - театрально вздохнула. Грех совсем напрягся.

- Ты со стариком гуляешь?

Не знаю, как я в голос не рассмеялась. Даже думать не хочу, что он там себе навыдумывал.

– Экзамен у меня завтра. А профессор пожилой, но очень строгий. Так что, не могу с тобой на свидание сходить.

Грех сверлит меня взглядом. В его прищуренных глазах так и мечут молнии.

– Понял, не дурак, – усмехнулся собственным мыслям. – Все равно, спускайся, я тебе цветов нарвал в клумбе, – указывает на другую сторону дороги, где расположен небольшой палисадник. Надо же, честный какой.

– Не-а, давай сам. Прояви чудеса смекалки. Нашел мою общагу и окно, найти мою комнату не составит труда. Хочу доставку на дом, – подмигнув ему, отстраняюсь и закрываю окно. Смеюсь, а внутри все дрожит от волнения и радости. Боже, до чего приятное чувство! Словно крылья за спиной в одночасье выросли. Устраиваюсь за стол, и смотрю в конспект. А у самой сердце на вылет. Не успеваю прочитать и абзац, вдруг слышу стук в окно. С той стороны на меня смотрит Грех. Едва ли не падаю со стула от испуга.

– Откроешь? – парень пытается улыбнуться, но от напряжения, его улыбка получается натянутой. Черт. Срываюсь с места, стараюсь как можно скорей открыть окно.

– Чокнутый, что ли? Ты же разбиться мог! – кричу на него рассерженно, хватаясь за плечо футболки. Пытаюсь затянуть его в комнату. Но судя по всему, моей помощи ему и не нужно. Ловко подтянувшись на руках, он перекидывает ногу на подоконник и запрыгивает внутрь.

– Держи, – протягивает мне цветы с довольной улыбкой.

– Спасибо.

– О, Чупик, – потянувшись, наглым образом вытягивает из моего рта конфету, и тут же кладет ее себе в рот. Устроившись на краешке моего стола, подмигивает, кусая карамель. От такой наглости, не могу прийти в себя. Стою и пялюсь на это безобразие.

– М-м-м, апельсиновый, – протягивает довольно, причмокивая конфетой. Смотрит на меня так нагло.

– Ну, спасибо! – наконец-то выхожу из ступора. – Цветы подарил, конфету мою сожрал. Я могу готовиться дальше к экзамену?

Надеяться на его совесть или чувство такта было глупо. Расселся на моем столе, словно король, и в ус не дует. Хотя, чертовски сексуален – этого не отнять. Тонкая ткань футболки обтягивает его крепкие мускулы и широкую грудь.

– Готовься, – улыбается, жестом предлагая устроиться за столом. Окинув взглядом рабочую поверхность, берет раскрытую тетрадь сверху стопки. Пробегается взглядом по строчкам.

– Что за предмет?

– Биоорганическая химия. Я на врача учусь, – с диким упоением смотрю на то, как вытягивается его лицо от удивления.

– Врача? – брови парня взлетают вверх.

– Ты за порядком следишь, я лечить людей буду, – пытаюсь скрыть смущение за нервным смехом.

– Круто, а я спортивный институт закончил, мечтал открыть свою школу единоборств, а после армейки пацаны подтянули в ОМОН. Так что не сбылась моя мечта, – убирает на место тетрадь.

– У тебя очень опасная работа. Люди вас не любят, бояться.

– Не любят. Но ничего не поделаешь, – пожимает плечами, улыбаясь. – Ты откуда сама? Не местная ведь, – окидывает изучающим взглядом комнату.

– Из деревни, в двухстах километрах от города. Родители пенсионеры у меня.

Смотрит на меня задумчиво, молчит.

– Ты отчаянная очень. Молодец. А мне в свое время не хватило смелости – не стал бороться. Мог ведь быть чемпионом, грести бабло.

– Не в бабле счастье, – использую его слово. Оно мне кажется слишком грубым, но как-то само с губ слетает. – Счастье – делать то, что любишь и быть рядом с любимыми людьми.

Грех улыбается, заставляя меня нервничать.

– Это так круто прозвучало сейчас, – произносит довольно. В ответ на мой непонимающий взгляд, поясняет. – Бабло... Девочка-ромашка и жаргон. Это дико заводит.

Я буквально почувствовала, как щеки залило краской. Опустила глаза, дабы не дать ему нового повода для шуток. Грех ухмыльнулся. Только сейчас заметила, что до сих пор стою с цветами в руках. Воспользовавшись предлогом, дабы побыть одной, уйду на кухню за водой для цветов.

Пока наполняю вазу, думаю о нем. На губах улыбка застывает. Представила сейчас, как Грех собирал ромашки по нашему палисаднику. Огромный детина, по клумбе скачет и рвет цветочки. Да уж, если бы он нарвался на нашу комендантшу, ох, не поздоровилось бы Греху. ОМОН или спецназ, ей все равно. Она кого угодно до трясушки доведет, защищая вверенную ей территорию.

Выхожу из кухни и застываю в дверях, заметив Греха в коридоре. Рядом с ним наш одноклассник Васька Толстых. В руках парня букет и коробка конфет. Судя по его выражению лица, он сильно напуган.

– Я ж тебе говорю, давай мне посылку, – пробасил, возвышающийся над ним Грех. Васька у нас парень не робкого десятка, но перед Герой явно растерялся.

– Не могу. Меня попросили передать лично ей в руки, – ответил тот дрожащим голосом. Нужно отдать должное Васиной храбрости.

– Слушай меня, маленький клоп, – Грех снисходительно приобнимает Васю за плечи, потряхивает слегка, дабы тот прочувствовал по полной всю серьезность ситуации.

– Передай хмырю этому, что Синичка...

– Кто?

– Синичка, – подумав, Грех добавляет. – То есть Есения теперь девушка несвободная. И парень ее по-беспределу, конкретно. Передай воздыхателю, если хочет закончить универ со здоровыми почками, пусть отвалит от Синички раз и навсегда.

По спине холодок пробегает. Честное слово, не узнаю Геру. В одно мгновение из романтика превратился в отморозка. Что он творит? Одно дело – шутки, а другое – запугивания. Да и вообще, с чего он решил, что я его девушка? Оставив вазу в кухне, я вышла в коридор, собираясь стоять до последнего на Васькиной защите. Но к этому времени в коридоре никого уже не было. Толстых, отставив подарки, поспешил ретироваться, а Грех вернулся в комнату.

– Ты что делаешь? – слетает с губ недовольное, как только я захожу в комнату.

– Избавляюсь от надоедливого конкурента. Это ведь он был на танцполе— спрашивает Грех с набитым шоколадными конфетами ртом.

Опустив взгляд, замечаю букет, торчащий из мусорной корзины, подле стола.

– Мерзкий тип. Лучше тебе с ним не общаться, – добавляет наглещ, словно так и надо.

Стою и пялюсь на него, не имея сил найти подходящих слов. Нет, мне совершенно не жаль цветов. Их бы ждала примерно та же участь. Но Грех сейчас ведет себя как первобытный человек. Что это за обезьяньи выходки? Как мне теперь Ваське в глаза смотреть? Подумают, что и правда связалась с каким-то отморозком.

– Ну все, не отвлекаю, – подняв вверх ладони, Грех соскочил со стола, прихватив один из журналов, лежащих на краю.

– Ты садись, занимайся, а я подожду. Может, еще какой смертник припрет тебе цветочки?

Он улегся на мою кровать поверх одеяла, положив правую руку под голову.

– Я смотрю, тебе здесь очень удобно, – внутри все клокочет от негодования, но голос тихий.

Грех молчит. Продолжает листать журнал «Бурда».

– Знаешь, то, что ты не дал мне упасть на танцполе, защитил там на площади от толпы и забрался в окно с цветами – все это отлично, – теперь он, наконец-то, посмотрел на меня. Его губы скривила довольная улыбка.

– Но сейчас ты перегнул палку, – теперь в моем голосе сталь. Мне нравится этот парень. Он красавчик, и все дела. Но я не позволю никому вести себя так невоспитанно и грубо.

– Эй, ты чего обиделась, Синичка? – ухмыляется, поднимаясь с кровати. Я молчу. Продолжаю прожигать его взглядом.

– Ладно-ладно, полегче, женщина-терминатор, – смеется, откидывая на кровать журнал. – Я ухожу, занимайся.

Я продолжаю молчать.

– Ну все, сейчас дыры во мне прожжешь. Все, намек понял. Ухожу, – подмигнув, резко подается ко мне и оставляет легкий поцелуй на моей щеке.

– Завтра идем на свидание, – развернувшись, выходит из комнаты, а я остаюсь стоять на месте – взбудораженная, взвинченная, с пылающей от прикосновения его губ скулой.

Глава 5

Есения

– Есень, держи свой сок, – протянула мне напиток Алина. Поблагодарив одногруппницу, принялась за обед. Девушка устроилась рядом.

– Ты чего грустная такая? Все экзамены позади, один зачет остался, но это ведь ерунда, – принялась она тараторить с набитым ртом. А потом вдруг замолчала,

заметив, что мой взгляд сосредоточен не на ней. Проследив по нужному направлению, нахмурилась.

– Не переживай, – шепчет Алина, а я не свожу глаз с дальнего столика столовой, за которым сидит Римма с Валерой и его братом. Подруга и Кобзарь-старший мило болтают друг с другом, а вот Валера все это время пялится на меня. Мне не по себе от столь пристального внимания.

– Боже, он ее сожрет сейчас, так засосал, – передернув плечами, шепчет Алина. Я сама не в восторге от нового ухажера Риммы.

– Мерзкий тип, а она этого не видит, – слетает с губ недовольное. Ничего не могу с собой поделать, негодование так и рвется. Подумать только, мы с Белозеровой пять лет жили, дружили, а она взяла и отказалась от меня в одночасье из-за какого-то мужика.

– Сколько ему лет?

– Не знаю, может тридцать. Он вроде бы старше Валеры.

– Не меньше тридцати, он очень старый, – цокает подруга и смотрит на ребят с укором. – Слушай, Есень, не расстраивайся, – кладет руку на мою ладонь. – Римка потусит и поймет, что из себя представляют эти мажоры. Потом еще к тебе придет прощения просить.

– Да мне и не надо этого. Главное, чтоб ей больно не сделали.

– Не переживай ты так за нее. Взрослая девочка уже.

Ничего не отвечаю. Поднявшись из-за стола, выбрасываю остатки еды в мусорную корзину и направляюсь к выходу.

Впервые мне неуютно находиться здесь. Я расстроена из-за подруги, из-за Греха. Вот уже три дня от наглого омонца ни слуху, ни духу. С тех пор, как я прогнала его из комнаты, он так и не появился.

Грех, неоспоримо, поступил по-свински. Но если в первый день после его ухода я была дико зла на этого зазнайку, то сейчас, спустя столько времени, все больше грызла себя. Может я перегнула палку, так грубо выгнав его?

Выхожу из столовой, направляясь по коридору к библиотеке. Нужно сдать все учебники. Не успеваю пройти и пары метров, меня кто-то хватается за рукав.

– Есения, стой, – слышу голос Валеры и напрягаюсь. Выдернув руку из его хватки, отхожу на пару шагов. Валера смотрит на меня с обидой.

– Зав кафедрой просила тебя зайти.

– Сейчас?

– Да, – кивает, задумчиво потирая голову. Будто что-то хочет сказать, но не решается.

– Хорошо.

– Я с тобой, – раздается за спиной голос Валеры. – Хотел уточнить у нее по завтрашнему экзамену.

Решаю не спорить. В любой другой ситуации я бы разозлилась на него, но сейчас нервничаю. Для чего меня вызвала Екатерина Семеновна? Ох, чувствую, ничего хорошего меня не ждет.

Стучусь в дверь.

– А, Есения, проходи, дорогая, – ярко красные губы женщины средних лет расплываются в улыбке. Она молча наблюдает за тем, как я подхожу к столу, устраиваюсь в кресле для посетителей.

– Есения, как твои успехи? – женщина смотрит на меня поверх оправы очков. Не могу понять почему, но сейчас мне неуютно под ее взглядом.

– Все в порядке. Остался последний экзамен послезавтра, – скрываю нервозность за улыбкой.

– С этим, думаю, ты легко справишься. Тут возникли некоторые сложности с твоей практикой.

– С практикой?

– Я обещала тебя устроить в отделение хирургии, в Железнодорожную клинику. Но, оказалось, что все места распределены. Мне сегодня позвонили с Министерства образования, просили устроить именно в это место одного паренька, приехавшего к нам по обмену из Франции, – она произносит эти слова, пытаюсь придать своему голосу печаль. Но я чувствую фальшь. Ее глаза – они пусты. Ей, в общем-то, все равно. Женщина думает в этот момент, о чем угодно, только не о моей ситуации.

– Есень, мне очень жаль. Видимо тебе все же придется отправиться к себе в поселок, проходить практику там.

Этот разговор доставляет ей дискомфорт. А у меня жизнь под откос идет. Как много планов я строила на эту практику!

– Но у нас нет хирургии, – из груди вырывается всхлип. Не хочу показывать ей своего расстройства, но организм начинает жить своей жизнью. Слезы наполняют глаза, и теперь я вижу лишь силуэт грузной женщины с ярко красным маникюром.

– Я пыталась помочь, дорогая моя, но я не всемогуща, – она развела руками со скорбным видом.

Как бы ни было обидно, но такова правда жизни. Обещанное мне место, как отличнице курса, досталось какому-то мажору, чьи родители отстегнули хорошую сумму. Железнодорожная клиника славится высококлассными специалистами и лучшим оборудованием. Для меня это был шанс показать себя, возможно, зацепиться в будущем там. Я готова была выкладываться на все сто процентов, впитывать знания, как губка. Но никому не нужно давать знания желающим. Все решают деньги и связи.

– Я вас поняла, Екатерина Семеновна. Значит, поеду в поликлинику, – поднялась с места, попытавшись выдавить улыбку.

– Я попрошу лаборанта подписать направление на практику. Чтобы у тебя не возникло проблем, – раздается вслед голос Извариной.

Выхожу в коридор, не оборачиваясь. Только когда закрываю дверь, понимаю, что уже несколько секунд не дышу.

– Есень ты в порядке? – будто из ниоткуда появляется Валера. Смотрит на меня так, словно привидение увидел.

– Разве не видно? Я на седьмом небе от счастья, – нервный смех слетает с губ. Пытаюсь обойти его, но Кобзарь даже не думает выпускать меня. Крепко схватив за руку, притягивает к себе.

– Пока не расскажешь, что случилось, не уйдешь, – едва ли не рычит.

– Валер, прости, но это не твое дело, – я пытаюсь вырвать руку из его хватки, но он не отпускает. Мне вдруг становится так плохо! Кругом чужие мне люди. Ни одного искреннего взгляда, ни одной дружеской руки. Все фальшивка.

– Есень, ты не хочешь говорить со мной, да я виноват, – рассыпается в объяснениях Кобзарь. – Мой срыв на тебя – это все от того, что мне больно. Ты нравишься мне, очень, но я не вижу от тебя взаимности. И та вечеринка... Все не так плохо, как тебе показалось, если бы ты выслушала меня!

– Валер, не хочу слушать, правда, мне все равно, живите, как хотите, – не в силах находится рядом с ним, снова пытаюсь оттолкнуть парня.

– В том то и дело, мне не все равно! Что у тебя случилось?

Вздыхаю устало. Может, и правда рассказать, да пусть отстанет. Все равно уже нет разницы.

– Я должна была практиковаться в клинике, но Екатерина Семеновна сообщила, что мое место занял какой-то парень, и теперь кроме деревни у меня нет вариантов.

– Как это, заняли? – хмурится Кобзарь. – Ты же отличница, лучшая студентка курса!

– Ладно, ты не переживай. Скоро улетишь в Швейцарию, удачной тебе практики.

Он наконец-то отпускает меня. Мои слова звучат обидно, может показаться, что я завидую. Но на самом деле... Да и плевать, что там на самом деле. Устала я думать о других.

Вырываюсь из его рук, но не успеваю пройти и пары шагов, как Валера догоняет меня.

– Нет, слышишь?! Я не позволю. А ты даже не вздумай расстраиваться. Я все решу. Подниму отца, всех кого надо, но это место останется за тобой.

В его словах столько желания и готовности помочь. Если бы я все еще верила в сказки, повелась бы на обещания парня. Но Валера совершенно не похож на рыцаря.

– Спасибо большое, но не стоит.

Его опека начинает досаждать. Не хочу его помощи, не хочу его внимания. Одно его присутствие рядом дико раздражает.

Парень открывает передо мной двери, мы выходим на крыльцо. Замечаю внизу, во дворе универа Римку в компании братца Валеры, а чуть поодаль Алину с одноклассниками.

– Ладно, пока, – не оборачиваясь, бросаю Кобзарю. Но он снова хватается за меня. Похоже, это входит у него в привычку.

– Нет, Есения, давай я отвезу тебя, – держит за руку очень крепко, а в его взгляде столько уверенности. Мне не по себе от его напора. Я не хочу никуда с ним ехать, не хочу общаться. Смотрю лихорадочно по сторонам, желая найти хоть какое-то спасение, а когда мой взгляд скользит мимо ворот института, я замечаю стоящего у входа Греха. Сердце в груди замирает от одного вида его мощной фигуры.

Парень стоит, опираясь плечом о железные прутья забора. На нем черная футболка и спортивные брюки. Вроде бы ничего впечатляющего в его наряде нет, но для меня он особенный. Почувствовав мой взгляд, Гера поднимает голову и наши глаза встречаются. Сердце перестает биться от переполняющих его эмоций.

– Спасибо за предложение, Валер, но мой парень приехал, – не могу сдержать счастливой улыбки. Не знаю, зачем я сморозила про парня. Вырвалось само собой.

Валера смотрит по направлению моего взгляда, я чувствую, как его тело напрягается, когда он узнает Греха.

– Так это правда? Неужели ты с этим? – произносит брезгливо, покосившись в сторону Геры.

– С этим, с кем?

– С этим отрепьем, – цедит сквозь зубы. – Есень, посмотри на него, да он уголовник! – Валера тычет в сторону Греха, а я боюсь даже посмотреть на парня. Мне кажется, сейчас будет драка. Ибо ОМОНовец не станет спускать на тормоза такую наглость.

– Ты хочешь сказать, что он отрепье, а ты и твой брат-наркоман – пример достойных людей?

Лицо Валеры кривится от злости.

– Мой брат не подарок, но ни он, ни я ничего плохого тебе не делали. И, да, тебе лучше быть с такими как мы. У нас хотя бы будущее есть.

Его слова даже не злят меня. Мне все равно, что он несет. Окинув взглядом Римму и Кобзаря-старшего, усмехаюсь. Да уж, если это интеллигенция, лучше я останусь рядом с «уголовником».

Не удостоив ответом парня, стремительно спускаюсь с крыльца. Не знаю, что со мной творится, но мои глаза видят только его, а ноги сами ведут к Греху. Парень

тоже не сводит с меня глаз. Задумчиво потирает подбородок, улыбаясь.

– Ну, здравствуй Синичка, – подмигивает, когда я приближаюсь. – Все нормально или я могу нарушить твой запрет не запугивать доходяг? – кивает в сторону Валеры, все еще стоящего на том же месте.

– Не пойму, о чем ты, – смеюсь, делая непонимающий вид. – И, вообще, ты странный такой, – окидываю его придирчивым взглядом.

– Я? – ухмыляется парень, удивленно выгнув бровь.

Пожимаю плечами.

– То двери с окнами путаешь, то мелишь какую-то чушь про отношения, —шепчу заговорщически, подавшись к нему. – На лицо явные признаки шизофрении, будь осторожен.

Его улыбка становится еще шире. Я и сама начинаю улыбаться. Гера тянется ко мне рукой. Приобняв за плечи, притягивает к себе. Пользуясь в качестве оправдания желанием поставить на место Валеру и его друзей, позволяю парню обнять себя. Поддаюсь его рукам, млея от аромата его парфюма, от тепла его тела.

– Вполне, может быть, – протягивает задумчиво, выдыхая практически в губы. Смотрит мне в глаза, не мигая. А я ловлю себя на мысли, что стою и пялюсь на его губы, мечтая о поцелуе.

– Когда сидишь в поезде и смотришь в окно на проезжающий мимо состав, – продолжает уже шепотом. – Становится непонятно, то ли твой поезд тронулся, то ли другой едет. Так вот то же самое с кукухой.

Понимая о чем он, я начинаю смеяться. Гера улыбается, задумчиво глядя на меня. Думаю о том, что я должна отстраниться, не позволять ему так быстро приручить себя. Но продолжаю стоять неподвижно, позволяя себе находиться в его руках.

– Твои друзья смотрят на нас, – шепчет он, уткнувшись мне в волосы, еще крепче прижимая к себе. А мне и смотреть на них не хочется. Прикрываю глаза и улыбаюсь.

– И тот несчастный тоже, – рядом с ухом раздается его хриплый смех. Слегка отстранившись, заглядываю в его глаза.

– Забей, – чувствую, как от улыбки скулы начинают сводить. Ловлю себя на мысли, что мне совершенно не хочется находиться здесь. – Я вроде бы должна тебе свидание?

Грех вопросительно выгибает бровь. Кивает, прищурено глядя на меня.

– На дружеское ты можешь вполне рассчитывать.

Глава 6

Есения

Солнце стояло в зените. Мы неспешно прогуливались по тротуару, держась в тени деревьев. Город шумел. Пешеходы, автомобили, все куда-то неслись, а я ловила себя на мысли, что именно этот момент хотелось растянуть буквально на атомы.

Грех шел рядом со мной. Парень на две головы выше, а благодаря хорошо развитой мускулатуре, он напоминал мне огромную, непреодолимую стену. Такой же нерушимый и сильный.

Мы не держались за руки, но были невероятно близки друг к другу. При ходьбе наши пальцы то и дело соприкасались и в эти мгновения мурашки бежали по телу. Запредельные ощущения. словно бабочки поселились в животе и ни на секунду не оставляли меня в покое.

– Куда ты меня ведешь? – засмеялась, когда он, схватив меня под руку, заставил прыгать через лужу на асфальте. Посмотрела на него прищурено. Солнце слепило.

- Честно? Не знаю. Ты куда-то в определенное место хочешь?

- Кино? Кафе? – перечисляю, но ловлю себя на мысли, что и мне нет особой разницы, куда идти. Главное, чтобы с ним.

- Может, прогуляемся? Погода хорошая, чего в помещении сидеть? – задумчиво почесав затылок, выдает Гера. – Я знаю одно классное место, тебе понравится, – уголки его губ слегка приподымаются. Улыбка парня смотрится дико сексуальной.

Перейдя дорогу, направляемся вниз по небольшой аллее, в сторону центра.

- Как твой экзамен? Сдала? – спрашивает Гера.

- Остался последний, и сессия закрыта.

- Ты молодец, – повернувшись, смотрит на меня задумчиво. – Все-таки, не могу не спросить, как ты умудрилась связаться с тем придурком? – в голосе Греха столько сарказма, что мне становится немного обидно за Валеру. Он, конечно, негодяй, но не заслужил такого обращения.

- Почему он придурок? – передернув плечами, гордо задираю подбородок. – Да и вообще, что это мы все обо мне. Ты мне тоже расскажи что-нибудь о себе.

- Спрашивай.

- Почему Грех? Откуда это прозвище? Совершил что-то страшное?

А теперь он смеется. Заливисто так, будто я рассказала смешной анекдот.

- Ты так плохо обо мне думаешь?

Я пожимаю плечами, продолжая смотреть на него. Гера резко хватает меня за плечи, притягивает к себе. Удивленная, застываю в его руках.

– Совсем под ноги не смотришь, Синичка, – усмехается, кивая вперед. Осмотревшись, понимаю, что стою в шаге от открытого люка.

– Ох, спасибо, – смущаюсь своей невнимательности. Отстраняюсь от парня. Засмотрелась на него и чуть в беду не угодила.

Мы подходим к воротам парка. Гера просит подождать. Остаюсь на месте, а он подходит к небольшому магазинчику. Спустя пару минут выходит с булкой хлеба.

– Я не голодна, – смеюсь, когда он приближается ко мне.

– Да? – удивленно выгибает бровь. – Ну и хорошо. Тогда уточкам не придется драться с тобой за еду, – взяв меня за руку, ведет по аллее в глубину парка.

– Уточки? Но я не знала, что здесь где-то есть пруд, – осматриваюсь по сторонам. Редко бываю в этом районе, всего пару раз посещала парк.

– Об этом месте мало кто знает. Но ты не расстраивайся, сейчас я раскрою тебе тайну.

Мы проходим мимо небольшой площадки с фонтаном, вдоль клумб и лавочек. Заворачиваем за небольшое строение и, словно по мановению волшебной палочки, оказываемся в совершенно в другой обстановке. Здесь практически нет людей. Вокруг нас деревья, а впереди виднеется небольшой пруд, по ровной глади которого плавают черные утки.

Грех подходит к самой кромке воды. Устраивается на траву. Похлопав ладонью рядом с собой, подзывает меня.

– Если боишься испачкаться, я могу снять футболку, сядешь на нее, – произносит он, при виде моего замешательства.

– Нет, я в джинсах, что с ними будет, – одарив парня робкой улыбкой, устраиваюсь рядом.

Несколько минут мы сидим в полной тишине. Вдыхаем чистый воздух, наслаждаясь звуками природы. Здесь словно и нет города. Шум автомобилей звучит приглушенно, практически неслышно. Мне даже начинает казаться, словно я вдруг очутилась дома. В маленьком провинциальном поселке, где кроме природы и частных домов мало что есть. Грех достает из пакета булку хлеба и, разломив ее пополам, протягивает одну часть мне.

Поблагодарив парня, отщипываю маленькие кусочки, бросаю в воду. Смотрю на то, как целой стайей утки подплывают на угощение, выхватывая комья хлеба клювами из воды.

- Ну и? - спрашивает вдруг Гера. - Док? Как ты дошла до такого решения?

Несколько секунд молчу. Честное слово, не знаю, как правильно ему ответить.

- Странный вопрос, - улыбаюсь, потупив взгляд. Разминаю между пальцев небольшой кусок мякиша, катая из него шарик.

- Для меня он равносителен вопросу: «Почему я решила стать Человеком?», а кем я ещё могу быть? Помогать людям, спасти их, оттягивая момент смерти. У меня никогда не было даже сомнений в выборе профессии. У детей обычно много идей, а я только и грезила, чтобы стать как моя бабушка, врачом. Она в войну спасала жизни солдатам. Проводила сложные операции в полевых условиях. Бабушка для меня герой. Женщина умерла в глубокой старости, на ее похоронах было много людей. И, не поверишь, плакали все. Она ведь до последнего своего дня помогала всем нуждающимся, лечила их...

Гера не спускает с меня глаз. Замирает, так и не бросив кусок хлеба в воду.

- Здорово, когда есть перед глазами такой пример, - произносит внезапно севшим голосом.

Согласно киваю. Ведь так и есть. Он отворачивается. На несколько минут повисает тишина.

- В меня никто не верил, - произношу, нарушая молчание. - Родители простые деревенские люди. Отговаривали, чтобы я в город уезжала. Переживали, что

материально вряд ли смогут помочь. Но у меня даже сомнений не было. Страшно было дико, – сейчас воспоминания о пятилетней давности вызывают улыбку, но тогда все было не так радужно.

– Помню, как приехала на вступительные. Вышла с вокзала, смотрю по сторонам – машины сигналият, люди сплошным потоком снуют в разные стороны, голова закружилась. Прижала к груди сумку и стою как котенок потерявшийся, – Гера улыбается, и я начинаю смеяться. Действительно, выглядела я тогда презабавно.

– А потом ничего, втянулась. Поступила, дали комнату в общежитии. За отличные отметки назначили стипендию. Подружилась с Римкой, девочками с группы. Как-то веселее стало, проще. Уже не одна, – бросаю наконец-то хлебный шарик в воду. Гера следует моему примеру.

– Ты умница, Синичка, – раздаётся его тихий голос. Повернувшись, встречаюсь с его задумчивым взглядом. – С виду маленькая, хрупкая, но знаешь... ты очень смелая. Намного храбрее меня, – губы парня кривит нежная улыбка.

– Конечно, – прыскаю со смеху, принимая его слова за шутку. – И это говорит мне тот, кто без страха разгоняет агрессивно настроенную толпу.

– Это не то, – хмурится он. – Вот у меня не хватило храбрости или силы воли. Не знаю, как правильнее сказать. Я с детства занимался единоборствами. Только и жил, что спортом. Соревнования, турниры, на меня строили огромные планы. Мне было восемнадцать. Я уже учился в институте спорта. Сам я из маленького поселка в Сибири. Нас отправили на турнир по единоборствам в Москву. Я взял золото. Помню, еще деньги заплатили за победу, был на седьмом небе от счастья, – его смех, как и голос, пропитан горечью. Отломив кусок, снова бросает его в воду. Молчит, наблюдая за тем, как две утки начинают драться за угощение.

– А потом авария, – вдруг произносит, а я застываю, шокированная его откровением. – По дороге из аэропорта. Пьяный урод выехал на встречу. Ему хоть бы что, у моего водителя пара царапин, а мне ногу покромсало. Колено собирали по кусочкам. – Грех отводит глаза, словно не хочет показывать мне глубину своей боли.

– Потом год восстановления, заново учился ходить, – нервно трет ладони друг о друга, замолкает.

– Но у меня не хватило храбрости бороться. Я послушал врачей, тренера. Они все кричали, что мне уже не быть в спорте. Родители переживали. Мама плакала. Я не стал возвращаться в единоборства. Закончил учебу, а потом армия. Первая чеченская война. Двух друзей похоронил.

Подумать только, этот парень столько боли и потерь перенес! А с виду и не скажешь. Лучезарные улыбки на его губах, все шутки да смех.

– А как ты сюда попал из Сибири? Как оказался в ОМОНе?

Грех устраивается поудобнее на траве. Ложится, опираясь на локти.

– После войны домой вернулся. Пустота была внутри полная. Куда податься? На зарплату тренера жить? Да и скучно это, я же не старик, чтобы таким заниматься. В армии стал потихоньку спортом увлекаться. Подружился с пацанами. Лапа, Питон – мы служили вместе. Они как раз отсюда. Подтянули за собой. Предложили устроиться к ним в милицию, в ОМОН. Ну я, недолго думая согласился. Уже три года здесь работаю.

– А родители твои?

– Родители там же. Пожилые уже. У меня еще брат младший есть. Он за ними присматривает. Скучаю, конечно, стараюсь хотя бы раз в год бывать у них. Но вот так жизнь сложилась, – пожимает плечами.

Вдруг за спиной раздается громкий гудок автомобиля. Едва не подсакиваю от неожиданности.

– Я сейчас, – бросает мне Грех и, поднявшись, идет к автомобилю. Несколько секунд он разговаривает с водителем. Когда Гера возвращается ко мне, выглядит парень весьма озадаченным.

– На работу вызывают. Шеф всех собирает. Что-то срочное, – хмурится, виновато глядя на меня.

Настроение тут же падает. Но я не хочу показывать Греху своих чувств.

- Ничего не поделаешь, - пожимаю плечами, улыбнувшись. - В любом случае и мне пора. Хотела сегодня к экзамену подготовиться. Да и на вечер планы были.

- Планы? Мне стоит ревновать? - подает мне ладонь, помогая подняться.

- Конечно, стоит. С ней то я уже пять лет вместе, с соседкой, - смеюсь, глядя на его напряженное выражение лица.

- А ты у меня юмористка, Синичка, - улыбается, приподнимая руку, подзывая к себе этим жестом. И я подхожу. Подаюсь к нему, позволяя обнять себя и притянуть за плечи.

- У тебя учусь, - бурчу, уткнувшись в его плечо.

Мы так близко с ним, что я вижу крапинки в радужках его зрачков.

- Ты же не станешь ругаться, если я это сделаю? - шепчет, улыбаясь.

Я понимаю, о чем он. И сердце в груди стучит так громко, что кажется, его слышу не только я. Дрожь по телу пробегает от того насколько я хочу этого.

Гера смотрит на мои губы, а его руки еще крепче сжимают меня. А потом он наклоняется. Робко касается моих губ. Словно спрашивает разрешения. Улыбаюсь тому, насколько он стеснителен и галантен. Может взять, если хочет, но все равно спрашивает.

Гера чувствует мою готовность. Кончик его языка касается моих губ, и я раскрываюсь, предоставляя ему полную свободу действий. А потом что-то невообразимое творится со мной. Мятный вкус его жвачки, умелые движения его языка и необыкновенно нежные губы парня в купе с крепкой хваткой рук. Все вокруг становится таким неважным!

Не знаю, что для него значит этот поцелуй. Но для меня - это нечто волшебное. Что-то большее, чем близость. Я понимаю, он тот, кто сможет подарить мне крылья, кто сможет научить летать. И этот мужчина тот, кто сможет их

отобрать. Спустить меня с небес, дав разбиться.

И это страшно. Отстраняюсь. Сама не понимаю, кто и когда закончил наш поцелуй. В глазах Геры огонь. Он смотрит на меня, прикусив нижнюю губу. Что-то пытается сказать, но в этот момент вдруг громко сигналит машина, едва не наезжая на нас. Грех отскакивает, утянув меня за собой.

Стекла автомобиля опускаются и из них высовываются головы парней. На губах улыбки, и я узнаю в одном из них спецназовца из автобуса, одного из сослуживцев Геры.

- Питон, аккуратнее нельзя?! - рычит Грех, продолжая прижимать меня к себе.

- Да че ты причитаешь, как баба, - раздается громкий смех с водительского сидения.

- О, Гера, птичка твоя нашлась, - смеется другой.

- Лапа, исчезни, - вспыливает гневом Грех.

- Синичка, давай, мы довезем тебя. Я, как только освобожусь, позвоню или подъеду, - повернувшись ко мне, произносит уже спокойным тоном.

Бросив беглый взгляд в салон машины, теряюсь. Я немного нервничаю в присутствии этих парней. Еще там, в автобусе в их окружении было не по себе. Их так много и они такие наглые. Вечно смеются, пытаются поставить тебя в неловкое положение. Вот и сейчас я дико смущена.

- Давай я сама доеду. Мне недалеко, - отступаю, но он ловит меня.

- Не капризничай, мы довезем. На этих придурков не смотри, они безобидны, - притягивает к себе. Смотрит в мои глаза.

- Когда я рядом ты вообще ни о чем не думай. Я тебя в обиду не дам...

- Никому? - слетает шепот с губ.

Ухмыляется.

– Порву всех, Синица.

Глава 7

Есения

Я позволяю Греху посадить себя в салон машины. Мы устраиваемся на заднем сидении. Справа от Геры сидит парень, который представился Степой. На вид он похож на медведя – метра два ростом, килограмм под сто весом. Настоящая боевая машина. Холодок пробегает по спине, когда я представляю эту детину, да еще и в форме ОМОНа. С таким лучше совсем не встречаться на улице. Но уже спустя несколько минут, я понимаю, как сильно ошиблась. Парень оказался с отличным чувством юмора. Все это время с его губ то и дел слетали шутки, а с лица не сходила улыбка. Его смех звучал по-особенному звонко, где-то даже по-детски.

Машину вел Питон, рядом с ним устроился Лапа. Ребята очень шепутные. Я, не привычная к такому окружению, с любопытством смотрю на их дурачества.

На удивление, мне спокойно в их обществе. Может, потому что Грех рядом со мной и ни на секунду не выпускает моей руки? Он слегка сжимает мою ладонь, проводя пальцами по полумесяцам ногтей. Мне от этого немного щекотно.

– Птичка, – Лапа поворачивается с переднего сидения, смотрит на меня с улыбкой. Отмечаю про себя смазливую внешность мужчины. Красивый – голубые глаза, белокурые волосы и пухловатые губы. Но даже при полном наборе данных, рядом с Герой он меркнет в моих глазах.

– Скажи, а ты уколы ставить умеешь?

– Умею, – смеюсь, не понимая, к чему он задал этот вопрос.

– Будь другом, всади этому красавчику от бешенства в его мягкую булку, – кивает в сторону Греха. – Он два дня злой как черт ходит!

– Лапа, я тебе сейчас всандалю! – рычит Грех, слегка толкая Андрея в плечо. – Пробу на манту, – добавляет чуть позже со смехом.

Ребята взрываются новым приступом веселья.

– Черт, а Синичка у тебя красотка, – переводя глаза на друга, улыбается Лапа, а я снова краснею и перевожу взгляд на сцепленные с Грехом пальцы.

– Питон, дай ему подзатыльник, у меня руки заняты, – шипит Грех под хохот остальных.

Ей богу, детский сад – штаны на лямках. Закатываю глаза, отворачиваюсь к окну. А у самой плечи трясутся от смеха.

– Конечно, заняты, – бурчит Лапа. – Я сейчас Светке позвоню, расскажу, что она теперь в пролете, вот точно занят будешь. Все наряды и вызовы твои, – ржет Лапин, а я напрягаюсь.

Светка? Кто это такая? По всей видимости, сотрудница Геры. И что между ними? Поворачиваюсь к Греху, ожидая объяснений. Но он вполне себе расслаблен.

– Судьба у нее такая, страдать и злиться, – улыбается Грех. Повернувшись, подмигивает. А у меня резкий приступ желания выйти из машины. И как можно скорей. Молча отворачиваюсь. Чувствую, как нервное напряжение растет с каждой минутой.

– Лучше скажи, что там случилось? – спрашивает Грех Лапу. – Второй раз за месяц с выходного срывают, – по всей видимости, Гера пытается сменить тему разговора на более спокойную.

– Да Леший его знает! Нам же тоже ни хрена не объяснили, – отвечает Лапин недовольно, почесывая затылок.

– Еще бы платили так, как по вызовам таскают, – хмыкает Питон.

Спустя десять минут подъезжаем к дверям моего общежития. Попрощавшись с ребятами, выхожу из машины. Грех следует за мной. Доведя меня до дверей,

останавливает, взяв за руку.

Поднимаю на него глаза. Я в смешанных чувствах. Понимаю, что у Греха есть какая-то воздыхательница. Мы знакомы с парнем без малого неделю, глупо было бы высказывать ему претензии. Но я не хочу, чтобы он думал, будто меня можно держать на вторых ролях. Он нравится мне. Но смысл в нашем общении будет только в том случае, если он будет предельно честен со мной.

– Синичка, как только освобожусь, позвоню тебе, хорошо? – Гера обнимает меня за плечи, прижимает к себе.

– Хорошо, если Света тебя не убьет, – слетает с моих губ сарказм. По всей видимости, сейчас все написано на моем лице, потому что у Геры исчезает улыбка. Парень хмурится.

– Давняя история, но не стоит даже мыслей твоих, поняла? – подцепив подбородок, накрывает мои губы поцелуем. А мне после его слов сразу легче становится. Не знаю почему, но я верю этому парню. Каждому его слову, каждому жесту.

– На завтра не строй планы на вечер, кое- куда пойдем, – подмигнув на прощанье, Грех убегает к машине, из окон которой высунули головы его друзья и с идиотскими улыбочками наблюдают за нами.

Грех

Плечо так и ныло. Со вчерашнего дня выматывает болью. Даже сквозь сон слышал ее. Открыл глаза, собирался подняться. Пару часов сна, а ощущение разбитости никуда не делось. Поговорил с матушкой по телефону. Голос совсем грустный, сердце сжимается. Скучаю по ним, только в ближайшие полгода вряд ли увидеться сможем. Она не говорит – упрямая. Брат рассказал, что отец плохой совсем. Ходит с трудом, ноги отказывать стали. Положил трубку, на душе еще хреновее стало.

Посмотрел на часы – девять вечера. К Синичке успею еще. Общага закрывается через час. Хоть минут пятнадцать побуду с ней и того достаточно, чтобы в себя прийти. При мысли о ней, даже плечо отпустило. Она не похожая ни на кого, необыкновенная. Добрая, правильная, где-то даже до странности. Никогда не

встречал такую. Сколько ей? Девятнадцать? А такое чувство, словно душа у нее ребенка десятилетнего – чистая, неиспорченная. Все о спасении людей говорит, о помощи. Слушал ее и улыбался. Она словно инопланетянин. Черт, тут разруха вокруг, война идет, а она как цветок в пустыне. Красивая, идеальная. Улыбнется так, и жить хочется сразу. Вот реально, держишь ее за руку, смотришь в ее глаза карие и понимаешь – все преодолеешь ради того, чтобы быть рядом с такой. Эта девочка – особенная. Не для тусовок и дискотек, где я ее встретил. Нет. Она как ангел путеводный. Рядом с такой ни одна проблема не кажется сложной. Хочу ее рядом. Быть с ней хочу. Никому, блин, не отдам. Руки оторву любому, кто попытается отобрать.

Переодеваюсь, уже было выхожу из дома, звонит телефон.

– Грех, Лапу пырнули, на тачку кинули, – в трубке раздается голос Питона.

По венам адреналин несется. Убью тварей.

– Где он?

– В больничке.

– Сейчас буду...

– Молодой человек, вам туда нельзя! Время посещения закончилось!

– Я быстро! Там братюня мой! – бросил через плечо санитарке, направляясь прямо по коридору.

Питон был уже там. Лапа лежал на койке, с перемотанным торсом.

– Ты как, брат?

Как увидел его, отпустило немного. Живой. Остальное – х*рня, разберемся. Лапа пожал руку, принимая сидячее положение.

– Да нормально, так царапина, – кривиться он. Под правым глазом налился фингал.

– Самое смешное, что в Чечне – ни царапины, бл*ть. А тут, на те, боевое крещение, с*ка, – прорычал, Андрюха, бросая взгляд на Питона.

– Рассказывай... – подставил я стул, и присел рядом с ним.

– Да че, вышел за хлебушком в магазин. Накинулись у подъезда. Трое их было. Я двоих положил, а третьим был – Бык, тот, что под Лиховским. Помнишь, мы его в «Седьмом небе» видели тогда, он Катюку Ерохину шпиллил потом в сортире.

– Да, понял я, кто это. Дальше че было?

– В рукопашной сцепились. Бычара ножом и засадил. Отобрал ключи, на тачке моей укатили. Сказал, если рыпнемся, всех перемочат. Черт, только с ремонта машину забрал.

Вены скрутило от злости. Ох*реть можно, чтобы какой-то бычара, бл*ть, наших наклонял? Знаю, как тяжело далась тачка Андрюхе. Они же и в дом к нему могли вломиться. А там мать с больным сердцем.

В палату вошла медсестра. Лапа тут же расцвел как долбанная яблоня.

– Олечка, добрый вечер. А я уже соскучился, – улыбнулся во все тридцать два.

И вид такой, будто просто отдохнуть тут прилег. Вот какие чудеса творит женская красота. Исцелился в мгновение.

Пока Лапин подставлял свои булки для укола, вещая медсестричке о том, какие у нее нежные ручки, мы с Питоном вышли из палаты.

Закурил на ступеньках. Выдохнул горький дым в воздух.

– Где эти черти тусуются?

Питон стоял рядом. Молча смотрел на дорогу.

– В «Сиянии».

Выбросил сигарету. Ни х*ра не отпускает. Да и вряд ли попустит, пока не накажу тварей.

– Поехали.

Его нужно было выкуривать из клуба. Самим туда соваться – гиблое дело. Их там может быть десятки. Раскидают нас с Питоном как котят. Подошли к парковке. Справа стояла Лапина восьмерка. Рядом с ней Быковской Чироки. Вооруженные битами, мы пошли к тачке.

Мышцы зудели. Все тело как один напряженный нерв. Взмахнул рукой. От первого соприкосновения биты со стеклом, по лобовому поползла паутина. От второго – оно треснуло, противно заскулив. С каждым ударом гнев нарастал. Если Бык так и не выйдет из клуба – пойдём внутрь, разносить все вокруг.

– Бычара, выходи! – стал вызывать его, снова и снова круша его тачку. Заверещала сигналка. Питон в это время расправлялся с правым крылом.

– Бычок, выходи, подлый трус! – вторил Питон.

У входа в клуб началось движение. Сделал знак Питону отваливать. Забежали за угол здания. Питон закурил, я выглянул.

– Чего там?

– Вышел. Осматривает тачку свою, – ухмыльнулся, наблюдая за Быком. По венам несся адреналин. Все тело – в полной боевой готовности. Какой-то пацан ткнул ему в нашу сторону.

– Идут, – бросил короткое Питону. Он выбросил сигарету.

– Сколько их?

– Трое.

Прислонился к стене и стал ждать. Секунды казались вечностью. Прикрыл глаза, чувствуя нарастающий гул внутри. И понеслась. Одному заехал по морде, второй налетел. Пока отбивался от него, бита вылетела из рук, перешли в рукопашный. Рядом слышалась отборная речь Питона и звуки ударов. Их точно было больше чем три. Пятеро или шестеро. Разложили всех. Пропустил пару ударов, снова рассекли губу. Бл*ть. Вытер кровь рукавом, бросив взгляд на Питона, убедился, что тот в порядке. Нашел на снегу самого здорового. Бычара лежал, продолжая даже в таком состоянии угрожать. Заметил в его руках мобилу. Выбил ногой.

– Че, бл*ть, Лихой?! А? я смотрю до х*я ты борзый! – из груди вырывался рев. Огромный детина под два метра ростом лежал на земле, закрывая руками свою рожу, пока я м*дохал его.

– Любите двое на одного?! А? Подарочек, бл*ть, лови, – саданул ему по морде со всей дури ногой, ублюдка откинуло словно мячик для пинг-понга. Грудак разрывало, воздух выходил со свистом. Почувствовал, как по руке течет что-то. Один из чертей полоснул ножом. Кровь идет, а боли не ощущаю – адреналин все еще шкалит.

Вижу, как Питон позади добивает последнего из своры Лиховского.

– Ключи где?! – схватил его за шкварник, потрянул так, что зубы клацнули.

– Пошел ты, – прорычал кровавым ртом ублюдок.

Удар. У меня с правым хуком всегда хорошо выходило. Прошерстил по карманам, в правом нашлась связка ключей с брелком в виде боксерской перчатки. Лапины.

– Ну вот, бл*ть, другое дело. А то не скажу, не скажу, – пнул его хорошенько, напоследок.

– Питон, уходим!

Окинул взглядом пространство. Семь. Семь быков валялись на земле. Хорошо так размялись с Питоном. Вечерний спаринг.

- А понтов было - мама не горюй!

- Ну, ты как? - посмотрел на Петю, когда мы устроились в салоне Лапиной восьмерки.

- Все путем! - кивнул дружбан, растирая ладони.

Дал по газам, направляясь к больничке. Меня все еще потряхивало. Из головы не выходило произошедшее с Лапой. И чем больше я думал, тем больше убеждался в понимании того, откуда растут ноги.

- Это их вы разметали позавчера? - спросил Питона, остановив машину у входа в больницу. Друг молчал.

- Не прикидывайся дебилем, Питон. Это то самое дело, чем ты предлагал заработать? С этими бандюганам вы сцепились?

- Да, - бросил короткое. Едва сдержался, чтоб не врезать ему.

- Ну и че теперь?! Ты же понимаешь, что это начало... Нельзя так просто набить морды бандюгам, и идти дальше. Ты ведь знаешь, что ответка будет?!

- Че ты, бл*ть, нотации мне читаешь, Грех?!

- Да потому что Лапа в больничке, кто следующий туда? А может в следующий раз сразу в морг?

- А ты боишься того света? А? - Питон оскалился. - Так по мне мы уже там, в самой дыре, бл*ть. Черти кругом и нищета. Чего ты трясешься то за свою жизнь? Что у тебя есть такого? Работа? И что она дает? На что мы право имеем? Дубинками махать, да перебиваться на копейки! Вон даже бабу сводить никуда не можешь, в парке выгуливаешь...

– Ты ж, бл*ть, не занял до зарплаты, я не виноват, что у меня друзья такие, – меня злили его слова. Я не понимал его раскладов. Питон в последнее время сам на себя не похож. И ладно себя, Лапу подставляет. А теперь и меня.

– Да все мы такие! – взорвался друг. – Я жрать хочу нормальную хавку! Хочу, чтобы семья моя в достатке жила! По ресторанам жену водить и на моря каждое лето катать семью! А сейчас по-другому не заработаешь! Не прорваться иначе, понял?!

– Ты и Лапе мозги засрал своей бандитской романтикой. Только он на больничке, не ты. А у Андрюхи мать престарелая. Сейчас узнает, сердечко прихватит и приплыли.

Схватил его за воротник, посмотрел в глаза его черные.

– Запомни, Питон. Мы в одной связке. Прямо, как там, на войне. Если с тобой чего, то и нам перепадет. Думай тщательней, прежде чем мутить х*йню очередную.

Глава 8

Есения

Полторы недели спустя

Несмотря на успешно сданную сессию, настроение было хуже некуда. Все валилось из рук, до чего не дотрагивалась. Завтра уезжать домой, а я нахожусь в полном смятении. Мысли только об одном – обещал и не приехал. Я бы поняла, если бы на один день пропал. Но его нет уже полторы недели! Римка говорит, что я должна забыть о нем, что Грех – типичный динамщик и у него таких дурочек как я десятки. И, возможно, она права. Мне бы и правда, перестать надеяться, но я не могу. Все жду его. Смотрю на окно своей комнаты и думаю: «Вот-вот и постучит, запрыгнет в комнату. Улыбнется своей мальчишеской улыбкой, а в руках букет сорванных ромашек. И я тут же без слов буду готова в его объятия ринуться. Вдохну его запах, почувствую его тепло и никуда не отпущу его больше».

– Есень, может, хватит киснуть? – Римка присела рядом. Подруга таки утянула меня на дискотеку в клуб. Только все веселье шло мимо меня. Я по большей мере отсиживалась за дальним столиком, наблюдая за резвящимися одnogруппниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/roman_violetta/ne-tvoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)